

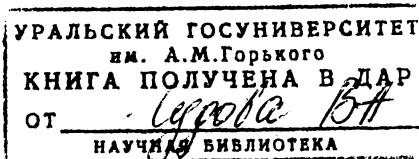
Челябинский государственный университет
История гуманитарных проблем

**ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ
БОЛЬШОГО УРАЛА
результаты научной
конференции**

Челябинск, 2004

УДК 4
ББК 80

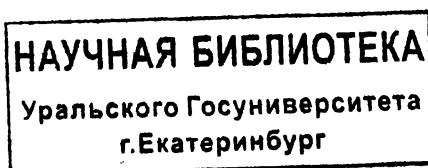
Ф 54.5

1355931

**ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ БОЛЬШОГО УРАЛА: тезисы студенческой конференции : сборник. – Челябинск: Рекпол, 2007. – 52 с.
ISBN 978-5-870-39-186-1**

Сборник «Филологические проекты Большого Урала» издан по итогам одноименной научной конференции и рассчитан на специалистов в области литературоведения и языкознания.

ISBN 978-5-870-39-186-1

© Рекпол, 2007

Еще раз – «Время, вперед!»

На этот раз 20 апреля уже 2007 года в г. Челябинске, в Челябинском государственном университете, на филологическом факультете прошли очередные Филологические проекции Большого Урала. Уже второй год подряд лучшие студенческие филологические силы устраивают смотр своих достижений. Вообще, про все *вторые* события писать достаточно тяжело, поэтому ограничусь тем, что скажу ОГРОМНОЕ СПАСИБО всем, кто имел отношение к организации и проведению этого научного мероприятия:

Андрею Витальевичу Мельникову – проректору по научной работе ЧелГУ, профессору, за всемерное содействие во всем и вся, а особенно за личное вступительное слово на конференции;

деканам филологических факультетов Башкирского, Пермского, Уральского и челябинского университетов – профессору, А.А. Федорову, профессору Б.В. Кондакову, ЧелГУ, доценту И.Ю. Карташевой.

Личные благодарности - доценту С.Е. Родионовой (БашГУ), профессору В.А. Михнюкевичу (ЧелГУ), доцентам О.В. Демидову и Н.Б. Приходкиной (ЧелГУ), а также преподавателям А.А. Селютину и Т.В. Печагиной, секретарю деканата филологического факультета ЧелГУ А. Полевой

Предлагаемый вниманию сборник, как и тот, что вышел год назад, есть некая квинтэссенция свершившегося в конце апреля события, только вот структура радикально поменялась. В нем четыре части, содержащие соответственно тезисы студентов из участвовавших университетов.

**Автор проекта,
директор Института гуманитарных проблем,
доц., Д.В. Харитонов**

Бронникова Е.,
ЧелГУ.
(Пленарный доклад)
Научный руководитель –
канд. филол. наук,
доцент,
Е.Г. Белоусова

Конструктивный аспект мотива памяти в романе В. Набокова «Машенька»

Всё повествование романа «Машенька» ведется в двух пространственно-временных планах: в мире настоящего (реальность Берлина 1920-х годов) и в мире прошлого (жизнь в России, о которой вспоминает главный герой романа Ганин), ассоциативно связанных между собой посредством мотива памяти. При этом оказывается, что Набоков активно использует в своем романе сразу все три основных типа ассоциативной связи – **по сходству, по смежности и по контрасту**.

Ассоциация по сходству задает **метафорическую** связь мира прошлого и мира настоящего, ассоциация по смежности – **метонимическую**, а ассоциация по контрасту проявляет **антитетический** принцип соотношения этих двух миров в тексте.

Изменение характера соотношения настоящего и прошлого в романе «Машенька» происходит в последовательности: **смежность – сходство – контраст – не соотносятся вообще**, что обусловлено внутренней динамикой воспоминания, которое сначала затмевает мир реальности в сознании Ганина, а затем постепенно сходит на нет, освобождая героя от власти прошлого.

Настойчивое и скрупулезное использование Набоковым сразу всех трех видов ассоциативной связи между мирами настоящего и прошлого призвано подчеркнуть абсолютную **исчерпанность** воспоминания Ганина.

Мотивы железнодорожного шума, окна, зеркала, ночи и одиночества раскрывают различные смысловые грани набоковской концепции памяти: её исцеляющую, накопительную и творческую природу. С точки зрения художника, память позволяет человеку создать целый мир, небывалый по своей яркости и насыщенности, где он может обрести счастье и гармонию, которых ему так не хватает в шатком и неустойчивом мире реальности. Память для Набокова – это способ преодолеть катастрофическую раздробленность мира 1920-х годов, по кусочкам собрать утраченную целостность бытия, подняв жизнь на свет искусства.

Яковлева Е.,
ЧелГУ.
Научный руководитель –
канд. филол. наук,
доцент,
О.В. Мешкова

Приметы в студенческой среде: проблемы поэтики и бытования

В студенческой среде в огромном количестве бытуют всевозможные приметы и ритуалы, которые являются одним из способов борьбы с волнением перед экзаменами.

Известно, что приметы представляют собой однофразовые тексты, состоящие из двух частей. В левой содержится описание ситуации, в правой раскрывается смысл этой ситуации, сообщается, что она означает. Анализ структуры примет позволил установить, примерно 15-20% текстов студенческих примет строится как приметы-прогнозы, в правой части которых «употребляется будущее время» (Например, «В день экзамена первым встретил мужчину – сдашь, женщину – не сдашь или плохо сдашь»). Большинство студенческих примет (80-85%) строится по модели примет-правил, функция которых – предупредить, дать совет или запретить («Билет нужно тянуть левой рукой, стоя на левой ноге, с закрытым правым глазом, чтобы легкий попался»). Малую часть (2-5%), собранных нами студенческих примет, мы отнесли по строению к приметам-толкованиям, то есть к текстам, «в правой части которых используется настоящее или прошедшее время» («Что у студента упало – то обязательно на газетку, то есть, что упало – то НЕ пропало»).

Все студенческие суеверия по набору ситуаций сводятся к основным типам. Приведем примеры:

- «поведение» материальных предметов и объектов: «Если в транспорте достается счастливый билет – загадай желание на хорошую сдачу экзамена»;
- поведение животных, птиц и других представителей фауны: «За день до экзамена разложить листочки с номерами билетов, пустить кошку или собаку, на каком номере остановится – тот билет и попадется»;
- поведение людей: «Оценка студента зависит от того, как его ругали знакомые».

Распространена следующая модель происхождения приметы: «кто-то совершил (не совершил) какие-либо действия и получил определенный результат». К примеру, одна девушка шла на экзамен и сломала каблук. Экзамен не сдала и с тех пор не носит в сессию обувь на высоком каблуке!

Сверчкова А.,
ЧелГУ.
nastushasv@yandex.ru
Научный руководитель –
кандидат филологических наук,
доцент
А.В. Слепова

Интертекстуальность в повести Дж.Фаулза «Башня из черного дерева»

Центральное место в эстетике постмодернизма занимает положение, сформулированное Ж.Деррида – «мир есть текст», на котором и строится теория интертекстуальности, когда объектом цитации может стать не только какой-либо литературный источник, но любое произведение культуры [1]. При этом «чужой» текст может присутствовать в данном анонимно (скрытая или неточная цитата, аллюзия, реминисценция), и читателю предстоит «прочесть» интекст, понять, что стоит не столько за текстом, сколько в самом тексте.

Интертекстуальный анализ повести Фаулза «Башня из черного дерева» позволяет выявить в качестве источника миф о Диане и Актеоне, реконструировать который помогают различные сюжетные параллели, а также упоминаемые в произведении реально существующие и вымышленные картины [2].

Подобно Актеону, который случайно проникает в священный грот Дианы, герой повести Дэвид Уильямс «вторгается» (intrude) в поместье Котминэ незваным гостем, нарушая тем самым границы locus sacer: впоследствии он узнает, что «Котминэ» в переводе со старофранцузского означает «лес монахов», изначально считавшийся неким священным местом, как и пещера Дианы.

Характерно, что одну из девушек, живущих в поместье, зовут Дианой, а ее прозвище – Мышь (Mouse) – объясняется, как «Муза» с добавлением «О»: Muse + O = Mouse. Сама фигура Дианы в повести символична: она воплощает музу Генри Бресли (и в его лице – музу художника вообще), его вдохновительницу, богиню. Символично и название картины Бресли – «Moon Hunt», которое скрывает, ведется ли охота луной, за луной или при луне. Образцом при написании картины, по словам Бресли, послужили «Охота» Уччелло и «Видение Св. Евстафия» Пизанелло, которые восполняют отсутствующие в повести элементы мифа о Диане и Актеоне – оленей и гончих, изображенных на обоих полотнах.

Название произведения – «Башня из черного дерева» – отсылает к Сен-Беву и Флоберу с их метафорой «башня из слоновой кости», но может быть также интерпретировано в духе карт Таро [3]. Значение карты «Башня» – освобождение из царства Ночи, символ окончательного расставания с иллюзиями – иллюзиями, с которыми, в конце концов, расстанется Уильямс: «Котминэ беспощадно продемонстрировало: то, с чем он родился, при нем и останется. Он был, есть и будет порядочным человеком и вечной посредственностью».

Сама сюжетная схема повести – путешествие, в ходе которого герой познает себя, приходит к своей самости через преподанный ему урок – воспроизводит процесс «инициации» Дурака (нулевой и одновременно последней карты Таро), становящегося, в конце концов, Магом. И если функцию трикстера в «Башне» выполняет Уильямс, очевидно, что Маг – это Бресли.

Образ Дианы логично соотнести с картой «Луна». Любопытно, что на этой карте присутствует вся символика повести: луна, тропа (образ дороги как аллегория духовных поисков), башня... Карта эта символизирует жизнь воображения, творческую жизнь как воплощение темной стороны души. И тогда, открывается новый уровень прочтения, который дополняет фаулзовскую концепцию искусства. Из урока, который преподавал ему Котминэ, Уильямс вынес понимание (почти уальдовское), что искусство глубоко аморально: «И стало так ясно, чего он лишен. Его несостоятельность заключалась в том, что он не считал возможным грех. Генри знал, что грех – это вызов жизни; не безрассудство, а акт мужества и воображения». В споре между аполлоновским и дионисийским началом в искусстве Фаулз отдает явное предпочтение второму. И становится ясно, почему так настойчиво писатель сравнивает Бресли с сатиром, фавном, а девушек – Диану (Mouse) и Энн (Freak) – с нимфами. Не случайно, что первая мысль Уильямса при виде обнаженных девушек у бассейна – мысль о «старом фавне, предающемся порочным утехам».

Символика карт Таро заложена и в фаулзовском романе с характерным названием «Маг», анализу которой посвящен ряд работ [4]. В одном из интервью Фаулз сообщает, что «Башня» «разоблачает “Мага”»; но можно сказать и обратное: именно «Маг» многое проясняет в повести, в частности, обращение к символике карт Таро [5]. Не случайно, поэтому, упоминание романа в «Башне»: книгу под названием «Маг» будет читать Энн.

Таким образом, выявление и восстановление интертекстуальных связей в повести «Башня из черного дерева» открывает новый, «вертикальный», уровень прочтения произведения – миф о Диане и Актеоне, – интекст, обладающий, с одной стороны, самостоятельной семантикой, а с другой – порождающий целый ряд дополнительных значений, раскрывающих концепцию писателя. В данном случае интертекстуальность нельзя свести к «свободной игре означающих», как это делают деконструктивисты: интекст у Фаулза включается в основной текст не механически, но получая смысловое наполнение [6].

Литература

1. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М., 1996. С. 224 – 226
2. Bevis R. Actaeon's sin: the "previous iconography" of Fowles's "The Ebony Tower" // Twentieth Century Literature. John Fowles Issue. 1996. Vol. 42. No.1. P. 29-56
3. Гадаем на Таро Тамплиеров. М., 2007
4. См. работы: Дайс Е. Европейская цивилизационная идентичность в романах Джона Фаулза. М., 2006; Смирнова Н. Джон Фаулз: текст, интертекст, метатекст. Нальчик, 1999

5. Salami, Mahmoud. John Fowles's Fiction and the Poetics of Postmodernism. London, 1992. P. 136

6. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М., 1996. С. 224

Резвушкин К.,
ЧелГУ.

kirus2002@mail.ru

Научный руководитель –
кандидат педагогических наук,
доцент

Н.Б. Приходкина

К вопросу об эволюции языкового сопротивления (с позиций теории функциональной грамматики)

Мы делаем попытку соотнести такие явления, как языковое сопротивление и карнавализация языка. На наш взгляд, органической взаимосвязи данных явлений и, как следствие, обозначающих эти явления терминов уделяется недостаточно много внимания.

Наиболее развернутая концепция языкового сопротивления принадлежит Н.А. Купиной [1, 2]. Н.А. Купина трактует языковое сопротивление в контексте тоталитарной культуры как порождение тоталитарным языком двух типов речевых реакций. *Первый* тип – это реакции, противоречащие системе: носители языка стремятся преодолеть насаждаемое мировоззрение путем его деидеологизации и демифологизации. *Второй* тип языкового сопротивления – те речевые реакции на тоталитарный язык, которые игнорируют систему: это находит отражение в использовании книжного языка, то есть тоталитарному мировоззрению противопоставляется традиционная русская ментальность.

В тоталитарном языке преобладает манипулятивная функция: он используется для конструирования и внедрения в сознание носителей языка тоталитарной идеологии и тоталитарного менталитета. Антитоталитарный язык противопоставляет этому в одном случае собственные антимифологемы и антиидеологемы, а в другом случае – дототалитарные, ранее существовавшие ментальные стереотипы [1]. Таким образом, носители языка в тоталитарном обществе СССР были фактически диглоссивны: имело место противопоставление *тоталитарный русский язык*: *антитоталитарный русский язык*. В связи с этим целесообразно выделить в русском языке тоталитарного периода функционально-семантическое поле тоталитарности/нетоталитарности. По определению А.В. Бондарко [3], ФСП – это «базирующаяся на определённой семантической кате-

гории группировка разноуровневых средств данного языка, взаимодействующих на основе общности их семантических функций». ФСП тоталитарности/нетоталитарности является бицентрическим, то есть характеризуется разбиением на две сферы (или на два микрополя): сферу тоталитарности и сферу нетоталитарности.

Применительно к состоянию русского языка начиная с постперестроечного периода используется термин «карнавализация языка», введенный в широкое употребление В.Г. Костомаровым и Н.Д. Бурвиковой [4]. Разноуровневые языковые средства, служащие для выражения семантической категории карнавальности, функционируют взаимосвязанно. Это находит проявление в большинстве функциональных разновидностей русского языка. Однако эта взаимосвязь, на наш взгляд, недостаточно учитывается исследователями современного состояния русского языка, пользующимися понятием *карнавализация*. Потому мы считаем целесообразным описание выражения семантической категории карнавальности в русском языке как функционально-семантического поля.

Наше предположение состоит в том, что ФСП тоталитарности/нетоталитарности советского периода в постсоветскую эпоху преобразовалось в ФСП карнавальности. Тоталитарное общество распалось, и тоталитарный язык перестал функционировать. Оппозиция *языковое сопротивление::тоталитарный язык* оказалось снятой. Однако с исчезновением тоталитарного языка общенародное языковое сопротивление не могло в одночасье прекратиться. В виде карнализации языка оно заняло всё языковое пространство. Недаром, по М.М. Бахтину [5], карнавал связывается всегда с переломными и кризисными моментами в жизни общества и необходим как средство разрядки внутрисоциальной напряженности.

Таким образом, наша гипотеза состоит в следующем:

- 1) истоки карнализации языка – в языковом сопротивлении советской эпохи, конкретнее – в речевых реакциях, противопоставляющих тоталитарному мировоззрению его деидеологизацию и демифологизацию;
- 2) карнализация языка рубежа XX–XXI веков как продолжающаяся реакция на тоталитарный язык и идеологию есть также форма языкового сопротивления.

Литература

1. Купина Н.А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. Екатеринбург-Пермь, 1995
2. Купина Н.А. Языковое сопротивление в контексте тоталитарной культуры. Екатеринбург, 1999
3. Бондарко А.В. Предисловие. Полевые структуры в системе функциональной грамматики // Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры. СПб., 2005. – С. 12–28
4. Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Старые мехи и молодое вино: Из наблюдений над русским словоупотреблением конца XX в. СПб., 2001
5. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1990

Крымская Н.,
ЧелГУ.
goodwin_85@mail.ru
Научный руководитель –
доктор филологических наук,
профессор
С.А.Питина

Эвфемизмы в русском и английском языках на примере российских и американских Интернет-изданий

Цель работы – рассмотреть способы функционирования эвфемизмов в английском и русском языках на примере Интернет-статей и выделить наиболее распространенные сферы и цели эвфемизации речи.

Объектом исследования являются эвфемизмы, используемые в СМИ в различных целях; предметом исследования выступают содержание, функции и области использования эвфемизмов.

Материалом исследования послужили статьи американских и российских Интернет-изданий. Анализ языкового материала позволяет проследить отражение культурных особенностей и ценностей народа в языке. Изучение особенностей употребления эвфемизмов в СМИ помогает осознать всю важность учёта национально-культурных различий в межкультурной коммуникации.

В работе используются описательный, сопоставительный, интерпретативный методы, а также метод словарных дефиниций.

В современных условиях активной межкультурной коммуникации необходимо учитывать такие тенденции, как, например, распространение политической корректности, которая накладывает свой отпечаток не только на лексику, но и на синтаксис, морфологию, словообразование. Политическая корректность – это скорее стратегия, эвфемизмы же – тактика, тактические уловки, с помощью которых либо соблюдается, либо нарушается баланс взаимодействия между отдельными лицами, группами, сообществами [1]. В языковом плане политическая корректность выражается, прежде всего, с помощью эвфемизмов, которые необходимо изучать в целях избегания коммуникативных конфликтов и неудач.

В данной работе используется классификация Л.П. Крысина, который выделяет 3 цели эвфемизации речи:

1. Стремление избегать коммуникативных конфликтов и неудач, не создавать у собеседника ощущения коммуникативного дискомфорта: «уйти на заслуженный отдых» вместо «уйти на пенсию».

2. Вуалирование, камуфляж существа дела. Такие наименования наиболее частотны в описании того, что надо скрывать: жизни лагеря, тюрьмы, работы оборонных предприятий и т.д. Пример: «информатор», «доброжелатель» вместо «агент», «стукач».

3. Стремление сообщить нечто адресату таким образом, чтобы это было понятно только ему. Такая зашифрованность довольно относительна, и очень скоро становится мнимой, если подобные сообщения публикуются и становятся доступными для интерпретации каждому читающему или слушающему: «Стройная, умная, молодая женщина ищет личного спонсора» [2].

В рамках данного исследования было проанализировано 146 статей американских и российских Интернет-изданий. В результате было выделено 85 примеров употребления эвфемизмов в русских текстах и 82 случая эвфемизации речи в американских статьях. Статьи подбирались с учетом тематики: все материалы были посвящены политическим вопросам. Выбор политической проблематики объясняется тем, что именно в таких статьях наиболее ярко проявляется эвфемизация речи.

В американских статьях часто встречаются выражения, говорящие об установлении демократического режима в Ираке. Причем события преподносятся не столько как военные, сколько как миротворческие, способствующие установлению стабильности в стране: «Military slides obtained by the National Security Archive under the Freedom of Information Act outline the command's Power-Point projection of **the stable, pro-American and democratic Iraq that was to be**» [3].

И в американских, и в российских СМИ присутствуют выражения, заменяющие одни понятия на другие: «конфликт», «напряжение», «операция» вместо «война», «военные действия»; «арестованные» вместо «задержанные», «пострадавшие» вместо «погибшие». Например: «**Военная операция** в Чечне находится в стадии оппозиционной войны, только линия фронта находится везде и нигде» [4].

«The court-martial revolves around events in Basra, in southern Iraq, during **a period of high tension** in September 2003, when, prosecutors said, nine Iraqi **detainees** were hooded, handcuffed, deprived of sleep and beaten for a 36-hour period before interrogation» [5].

Стоит отметить использование выразительных средств языка (метафоры, фразеологизмы и т.д.) в качестве эвфемизмов:

«**The blame game** on Iraq seems to be reaching a peak», «After all, **history books are written right now**» [6].

«Газета **держала руку на пульсе общественного мнения**, проводя собственные дополнительные опросы на улицах города» [7]. «Но суть дела не меняется: никому из них не нужен под боком лидер с **наполеоновскими амбициями и ядерной шпагой**» [8].

Кроме того, именно для языка российских СМИ характерно употребление слов с диффузной семантикой и слов, обозначающих неполноту действия или слабую степень свойства: «**Я с вами не совсем согласен**»; «Все это имеет **некоторый успех**»; «Еще 10-15 лет назад это выражало **некую степень протеста**» [8].

Таким образом, исследование показало, что при некоторых различиях в средствах эвфемизации речи в большинстве статей американских и российских газет эвфемизмы используются, главным образом, для вуалирования действи-

тельности. Это объясняется стремлением избежать нежелательной общественной реакции. Из этого можно сделать вывод, что язык политической корректности, призванный не обидеть, не задеть чувства людей, в настоящее время приобретает негативные черты, что не может не вызывать обратного эффекта.

Литература

1. Иванова О.Ф. Политкорректность в России./Вестник Евразии// www.eavest.ru;
2. Крысин Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи//Русистика. – Берлин, 1994, №1-2, с.32;
3. <http://www.nytimes.com/>;
4. <http://fontanka.ru>;
5. <http://www.usatoday.com/>;
6. <http://www.nypost.com/>;
7. <http://gazeta.ru>;
8. <http://chel.ru>.

Петрова Д.,
БашГУ.
(Пленарный доклад)
d.petrova@list.ru
Научный руководитель –
доктор филологических наук,
профессор
Л.М. Васильев

Микрополя мышления и мнения в ментальной сфере языка

1. Ментальная сфера русского языка представляет собой сложно структурированную систему; можно назвать это семантическим макрополем, которое включает в себя различные микрополя. Л.М. Васильев выделяет среди них предикаты рационального мышления, мечтания, мнения, памяти, понимания, принятия решения, знания и др¹. Причем эти микрополя в составе макрополя ментальных предикатов не изолированы друг от друга, их границы размыты, подвижны.

Мы рассмотрим взаимодействие двух микрополей внутри ментальной сферы – микрополе рационального мышления и микрополе мнения, а на их примере – взаимодействие ментальной сферы в целом с другими сферами языка.

2. Слово *думать* сегодня полисеманлично, употребляется как в значении «размышлять», так и в значении «иметь мнение, полагать».

В современном русском языке *думать* употребляется в основном в следующих синтаксических конструкциях, обусловленных его семантикой: 1) думать о чем-либо (над чем-либо); 2) думать, (что)...; 3) думать: «...».

В первой модели *думать* употребляется в значении предиката рационального мышления ('направлять мысли на что-либо'): «Годы проходили, а он все сидел на одном месте, писал все те же бумаги и *думал об одном и том же*, как бы в деревню» (А.П. Чехов. Крыжовник).

Во второй модели реализуется значение 'иметь мнение': «*Думаю, что бессмертный дух моего отца получил полное удовлетворение!*» (Л. Андреев. Мысль).

В третьем случае (думать: «...») глагол *думать* становится синонимом *говорить про себя*, а прямая речь, по сути, становится содержанием внутренней речи, оформленной по всем законам грамматики и синтаксиса: «Дурак, – подумала Ольга Михайловна. – И ехал бы себе домой» (А.П. Чехов. Именины). Эта модель указывает нам на связь ментального поля с предикатами речи.

3. Семантические поля мышления и мнения оказываются связанными друг с другом, а кроме того – с другими микрополями внутри поля ментальных предикатов (веры, памяти, понимания и других), на это указывает анализ лексики перечисленных семантических полей. Кроме того, ментальная сфера в целом оказывается связанной с другими семантическими полями, за счет лексем кото-

рых, в частности, она и формируется. Очевидна связь исследуемых ментальных полей с предикатами восприятия. Прежде всего, чтобы с помощью мысли обработать какую-либо информацию и превратить ее в мнение, суждение, знание или иной результат, нужно эту информацию получить извне, как правило с помощью органов чувств. Анализ лексики исследуемых полей выявляет тесную связь микрополей рационального мышления и мнения с предикатами зрительного восприятия (такие слова, как *видеть*, *усматривать*, *рассматривать*, *точка зрения*, *взгляд*, *видимо*, *видно*, *очевидно* и мн. др.). Интересным оказывается тот факт, что отсутствует лексика, которая имеет отношение к слуховому или иному восприятию, кроме зрительного.

Кроме того, ментальное поле оказывается связанным с предикатами речи. Парадигматически (через компоненты значения) эта связь проявляется в употреблении слова *думать* в значении предиката внутренней речи, которое реализуется в синтаксической модели *думать*: «...». Синтагматически эта связь прослеживается в словосочетаниях *рассуждать/ размышлять вслух*, в некоторых метафорах («Ты как будто подсмотрел и подслушал мои сокровенные мысли». А.П. Чехов. Черный монах; «...быть может, кто-нибудь еще не спит и слушает, что думает Иуда». Л. Андреев. Мысль).

Связь с другими семантическими полями часто реализуется в метафорах. Связь с семантическим полем предикатов движения осуществляется через метафоры (ставшие уже речевыми штампами) *приходить в голову/ на ум*, *мысль пришла в голову*, *возникла/ зародилась идея*, *всплывает в памяти* и др. В них подчеркивается активное начало мысли, мысль воспринимается как нечто самостоятельное, само способное двигаться и находить человека. Напротив, метафоры *прийти к мысли*, *дойти до чего-л.*, *прийти к чему-л./ к выводу/ заключению* и др. являют нам мысль как объект, цель движения.

В «ментальных» метафорах часто прослеживается связь с пространственно-количественной семантикой: *глубоко задуматься*, *погрузиться в мысли*, *в раздумье*, *поверхностно мыслить*; *тяжелая/ гнетущая мысль*, *легкие мысли*.

Кроме того, очевидную исторически-пространственную семантику имеют глаголы *полагать*, *ставить кого-л. выше других*, *ставить во главу угла* и т.д.

Литература

1. Васильев Л.М. Системный семантический словарь русского языка. Предикатная лексика. Вып. 5. Уфа, 2003.

Салихова Д.,
БашГУ.
narcas@mail.ru
Научный руководитель –
кандидат филологических наук,
ст. преп.
Т.В. Григорьева

О развитии российской печатной рекламы: начало 1990-х и 2005 гг.

(на материале рекламных текстов из журнала «Крестьянка»)

Рекламные сообщения в журнале 2005г. ярче, разнообразнее и многочисленнее рекламы 1991-93гг. Сопоставляя два периода, можно заметить, что два основных элемента рекламы (текст и оформление) изменились в различной мере: визуально-графические способы оформления рекламы прошли значительный путь развития, текст же рекламы изменился в меньшей степени. Использование в качестве главного средства воздействия зрительных образов в 2005г. – закономерный результат борьбы за внимание читателей (изображение воспринимается легче и быстрее, чем текст).

По сравнению с примерами 2005г., текстовое наполнение некоторых рекламных сообщений начала 90-х весьма скупо, даже примитивно: *ДЛЯ ТЕХ, КТО ШЬЕТ – КРОМОЧНЫЕ НОЖНИЦЫ «ЗИГЗАГ»*. Дают зубчатую кромку и препятствуют осыпанию ткани. Ножницы регулируются на любую толщину ткани и кожи. Цена ножниц – 3500 рублей. Оплата при получении на почте. Заказы по тел. (095) 276-40-13 с 11 до 18 ежедневно. Главная функция такого рода рекламных сообщений – информирующая, каждое слово употреблено в прямом значении, каждое предложение дополняет набор фактических сведений о товаре или услуге. Степень воздействия их на читательскую аудиторию невелика, поэтому в 2005г. таких объявлений рекламного характера в журнале уже нет. Другим проявлением ограниченности рекламы первого периода можно считать наличие определенных «рекламных штампов», это, к примеру, выражение *ваш надежный помощник*, конструкции *организация предлагает*, *подробная информация высылается бесплатно*, предложения, построенные по модели «если ... – (то) ...» (*Если Вы потеряли надежду, мы вернем Вам ее...*).

С другой стороны, в рекламе начала 90-х гг. можно найти языковые способы воздействия, которые продолжают активно использоваться и в рекламе 2005г., в частности употребление слов с оценочно-экспрессивной семантикой (*опытные педагоги; уютный дом*), прецедентных феноменов («*Секреты красоты*» <...> *сделают вас еще более обаятельной и привлекательной*), форм сравнительной и превосходной степени прилагательных (*Новая модель его более эффективна...*; *кратчайший курс; наилучший способ*), синтаксического параллелизма (*Кодирование от курения. Кодирование от пьянства*), антонимов (*Если вы хотите дорого продать и дешево купить, ...*), использование элементов раз-

говорного стиля (*Сами понимаете, расходы копеечные, а знаний и новых сведений – на рубли, а может, даже на доллары*) и т.д. Таким образом, уже в начале 90-х гг. в рекламе активно использовались и лексические, и грамматические, и синтаксические, и стилистические средства воздействия. При этом наиболее распространенным и доступным приемом было использование оценочно-экспрессивных прилагательных, эффект которого иногда усиливался за счет употребления нескольких определений в одном ряду, создания своеобразной градации, например: *Что делает женщину прекрасной, неповторимой, желанной и чуть-чуть таинственной?; сто рецептов ароматных, вкусных, питательных, простых в изготовлении напитков.*

К 2005г. набор средств, применяемых для привлечения и удержания читательского внимания, стал богаче и интересней. Стали использоваться, например, возможности языковой игры (*Правила хорошего тона – о тональном креме*), необычной сочетаемости слов (*Музыка аромата*), лексико-графического выделения (*S новым & Годом – компания Swim&Gym*), парцелляция (*Новшество. Для сухих волос*) и т.д.

Широкое развитие получили рекламные слоганы. Если к 2005 г. практически у всех рекламных компаний есть яркий, запоминающийся слоган (*(L'Oréal. Ведь Вы Этого Достойны; VICHY. Здоровье для кожи. Здоровье для жизни)*), то в начале 90-х годов только некоторые рекламные сообщения сопровождаются полноценными слоганами, такими как *Ваш путь к красоте (Avon); Сохраните урожай (Инта-вир).*

Реклама чутко реагирует на изменения, происходящие в общественно-исторической и экономической сферах нашей жизни. Это находит отражение прежде всего в лексике. Некоторые слова и выражения из текстов 90-х гг. выглядят сегодня устаревшими (*трудовые коллективы, компакт-кассета, магазины книготорга, фонотека и т.п.*), а в рекламе 2005г. появилось немало неологизмов, причем в основном это заимствования (*брэнд, дизайн, имидж, гламурный, стайлер, лифтинг, фанаты, инновация и т.п.*).

Сопоставление рекламных текстов 1991-93гг. и 2005г. позволяет сделать вывод о поступательном развитии рекламных технологий в нашей стране, что свидетельствует о формировании в России особого коммуникативного пространства, которое в современной науке получило название рекламный дискурс.

Сухова Н.
БашГУ.

Научный руководитель –
кандидат педагогических наук,
доцент
Л.Р.Сагидуллина

Сравнение этимологии единиц времени в русском и татарском языках

Как считают лингвисты, в формах языка, в его семантике, лексике, морфологии, синтаксисе отражается в определенной мере глубинная психология народа. Поэтому исследование сознания человека, зафиксированного посредством языка, может помочь раскрыть особенности образа мира, присущего тому или иному этносу. Языковые и культурные системы отличаются, но, по общепринятому мнению, существуют семантические и лексические универсалии, на которых основываются человеческий язык, мышление и культура. В числе немногих – понятие времени, которое принадлежит к одному из определяющих категорий человеческого сознания, которые образуют своего рода «модель мира». Понятие времени и единицы его измерения в культуре разных народов имеют свои издавна сложившиеся национальные особенности, которые можно обнаружить в их языках.

Главным темпоральным словом в русском языке, объединяющим все остальные в единую область, является слово «время». Оно заимствовано из старославянского языка от основы «вертеть» - «возвращение», «чередование дня и ночи». В татарском языке не существует однозначно соответствия русской лексеме «время», но есть соотношение с такими лексемами как «вакыт», «чак», «заман», «мэл». Этимология слова «чак» предполагает определенный промежуток времени, 12 летний цикл, 120 минут, благоприятное состояние природы». Если в этимологии слова «время» предполагает время как чередование, вращение; то в татарском языке большая направленность на значение определенного промежутка времени.

Лексема «месяц» занимает особое место, так как именно месяц (луна) является первой мерой времени. Родственным словом считается глагол «мерить». На татарском языке и месяц, и луна обозначаются как «ай». Славянские названия месяцев преимущественно указывают на земледельческий быт (осенние месяцы), природные имения (зимние месяцы), мир растительности и животных (весенние, летние месяцы). В тюркско-татарских названиях видна связь с сельскохозяйственными работами и природными условиями, мир растительности и животноводства затронут меньше.

«Неделя» - производное слово, первоначально обозначало один день из семи, тот который соответствует современному воскресению. В татарском языке «атна» со старо-персидского «адина» – пятый день недели или неделя из пяти дней, день отдыха. В вариантах обоих языков этимология схожа, что является

еще одним доказательством философского постулата о принципе единства человеческого мышления. Но в то же время отсутствует единая точка отсчета. Если у русских нерабочий день – воскресенье, у татар – пятница. Это – отражение религиозных представлений народов.

Интересна сравнительная этимология лексем «сутки» и «тәүлек». «Тәүлек» – от тәг, тэк – түгэрэк, эйләнә». Этимология отражает сознание многих древневосточных культур, в основе систем ценностей которых лежит идеал вечно длящегося настоящего. Выразителем символом понимания является «колесо» – «түгэрэк». «Сутки» от сътъкъ «столкновение», производного от сътъкнутия «столкнуться» – столкновение, слияние дня и ночи.

Циклическое восприятие в татарской этимологии связано с наблюдением за сменой времен года и годичным циклом сельскохозяйственных работ. В плане темпоральных установок современная русская культура поддерживает линейную (западную) концепцию времени.

Сравнение этимологии двух языков дает возможность выявить сходства и различия. Сходства выражается в циклической структуре миропонимания. Смена времени года, месяцев, суток, дня и ночи связана с движением Солнца и Луны. Понятие вечности вытекает из замкнутости круга, отсутствие у него начала и конца. Но в то же время можно выделить различия, которые возникли в связи с социальными, историческими и религиозными представлениями этноса. Они и являются выразителями ментальности в языке.

**Кравчук В.,
БашГУ.**

Научный руководитель –
доктор филологических наук,
профессор,
Ишимбаева Г.Г.

**Вл. Набоков —
переводчик Льюиса Кэрролла**

Первые отзывы о русском издании «Алисы в стране чудес» как свидетельство о неадекватности переводов.

Способы перевода «Алисы» – переложение на русскую почву (переименование персонажей и героини Соней, Аней, замена английских пародий и реалии на русские) или сохранение ее своеобразного английского духа.

Несмотря на то, что сказка Л.Кэрролла «Алиса в стране чудес» неоднократно переводилась на различные языки, она остается одним из труднейших произведений для перевода. Не то чтобы никак нельзя было заставить русские слова играть в те же игры и показывать те же логические фокусы, какие проделывали английские слова у Кэрролла, но за всем нередко терялась художествен-

ва играть в те же игры и показывать те же логические фокусы, какие проделывали английские слова у Кэрролла, но за всем нередко терялась художественная завершенность и мораль сказки, и текст получался скучным, нецельным.

Отличие и значимость перевода Владимира Набокова (Берлин, 1923) как последний из русских переводов Кэрролла, выполненных методом так называемого транспонирования. Набоков не просто переводит кэрролловскую «Алису» с языка на язык, но из культуры в культуру.

Конкретные изменения в тексте сказки - имена (Алиса превращается в Аню), названия, бытовые (например, апельсиновый джем заменяется клубничным вареньем) и исторические реалии (появляются слова губерния, дворянин), стихотворные пародии, Масленичный кот.

Самое сложное в переводе - сохранение кэрролловского приема -алогичной логики повествования.

Принцип выбора нового имени в переводе для кэрролловских героев – это определение их характеров, детерминирование их дальнейшего поведения.

Методы перевода пародийных стихотворений Л. Кэрролла – выбор переводчиками основы для пародии из русского наследия.

Не подлежащие транспонированию элементы текста (отсутствие полного понятийного аналога в одном из языков, «безумцы»).

Нерусскость Набокова. Русской литературе свойственны гуманизм, общественная значимость, нравственная позиция автора и его отношение к изображаемому. Все это Набоков принципиально отвергал в своём творчестве. В своем переводе Алисы он, напротив, попытался воссоздать атмосферу «русскости».

Мнения Кэрролловедов о переводе-адаптации Набокова – полярность мнений в оценке текста.

«Алиса в стране чудес» и «Алиса в Зазеркалье» как взрослые сказки. Детский интеллектуальный багаж слишком мал для их понимания. Предназначение сказок для более взрослого, грамотного читателя, несмотря на внешне детский сюжет. Перевод Набоковым сказки в читательскую аудиторию младшего возраста.

Общая оценка транспонирования Набоковым Кэрролла. Вопрос об уместности любого переложения Кэрролла.

**Канбекова Д.,
Баш ГУ.**

Научный руководитель –
кандидат филологических наук,
доцент,
Р.Х.Якубова

Мотив разрушения дома в творчестве М.Ю. Лермонтова

Несмотря на кажущуюся исследованность творчества М.Ю.Лермонтова, до сих пор сохраняет актуальность обращение к изучению мотивов, к вопросу об эволюции и трансформации сквозных мотивов в разных родах литературы и жанрах, к которым обращался писатель. Сложность данного подхода заключается в том, что сам термин «мотив» до сих пор не получил в отечественном литературоведении однозначного толкования.

Практически все, кто изучает наследие Лермонтова, отмечают такую особенность его творчества, как возвращение поэта к тому, что уже было им написано. Именно для творческой манеры Лермонтова в высшей степени характерно такое явление, как варьирование уже воплощенных тем и мотивов. Это в полной мере относится к тому, как трансформируется на разных этапах творчества мотив разрушения дома. Этот мотив частным образом репрезентантирует тему Судьбы. Вообще, для литературы лермонтовской эпохи было характерно обращение к судьбе в духе романтизма как неблагоприятной силе в жизни человека. В творчестве М.Ю.Лермонтова эта тема получает наиболее широкую разработку.

Темой судьбы пронизана большая часть творчества поэта. Фигурируя под именем Рока, Фатума, Закона, Жребия, Судьбы, она воплощается в произведениях Лермонтова рядом мотивов: мотивом роковой встречи, мотивом испытания судьбы, мотивом игры и мотивом разрушения дома.

Контаминация мотивов роковой встречи и разрушения дома была характерна уже для трагедии «Испанцы», написанной автором в 1830 году.

В ней, за общепопулярными в европейской романтической литературе испанскими мотивами и традиционно лермонтовским героем, наделенным «мгущею энергией сопротивления», также реализуется мотив разрушения дома.

В этой драме мотив разрушения дома выступает в комбинации с мотивами роковой встречи (этот мотив сопровождается, что будет повторяться и в последующем творчестве, указанием на случайность первой встречи) и с мотивом «выпытывания судьбы». Являясь в сюжетном плане их следствием, логическим итогом, в идейно-тематическом плане он выступает как звено в эволюции авторского мировосприятия от ощущения бездомья, трагедии разрушенного, поруганного и более на земле невозможного Дома к особому Вселенскому дому, в духе космического мировосприятия автора.

В итоговом романе Лермонтова «Герое нашего времени» мотивы роковой встречи и разрушения дома, дополняются мотивом игры, который проявляется

в театрализации действительности. Из дневниковых записей Печорина, склонного к постоянной рефлексии, читатель узнает, что герою суждены разные приключения (он сам их себе создает, постоянно вмещиваясь в свою судьбу и жизнь окружающих, приводя ситуацию к взрыву, отношения к столкновению). Причины такого активного вторжения героя в жизнь заключаются в его духовной неуспокоенности, в вечном поиске, в жажде истинной деятельности. В связи с этим возникает вопрос о предназначении, фатуме, роке, степени свободы в единоборстве человека с течением обстоятельств, независимых от воли человека, – все это становится философской основой романа. Одним из главных вопросов, который ставится на протяжении всего романа, является вопрос о том, есть ли фатум-предопределение. Но все попытки ответить на него приводят Печорина к театрализации действительности (мотив игры) и к разрушению домов, семей и судеб людей, соприкоснувшихся с ним.

Таким образом, мотив разрушения дома является одной из главных философских проблем романа «Герой нашего времени», да и всего творчества М.Ю.Лермонтова. Он выступает в комбинации с мотивами роковой встречи и игры, частными мотивами, составляющими тему судьбы.

Хамидова А.,

БашГУ.

sunny-alb@yandex.ru

Научный руководитель – кандидат филологических наук,
старший преподаватель

Григорьева Т.В.

Воздействующая функция лингвистических образов

(на материале бестселлеров

Н. Правдиной «Я исполняю желания»

и М. Норбекова «Опыт дурака,

или Ключ к прозрению»)

В современной лингвистике часто можно встретить такое понятие, как воздействие – «изменение картины мира, которое может повлиять на поведение адресата» [2]. Одним из способов воздействия в современной литературе и СМИ является образ. В основе лингвистического понимания образа лежит образная метафора, которая «создаёт одновременное видение в сознании двух явлений»; она возникает из «потребности воссоздать увиденную и схваченную мыслью связь, сходство различных явлений, раскрывая свойство одного чувственно воспринимаемого явления через свойства другого» [5]. С точки зрения когнитивной лингвистики метафора – это взаимодействие разных **фреймовых**

структур [1; 3]. Фрейм – это структура знаний, представляющая собой пакет информации об определенном фрагменте человеческого опыта и состоящая из слотов, количество которых зависит от количества элементов, выделяемых в данном фрагменте опыта: элементы (слоты) одного фрейма заменяют соответствующие в другом, в результате чего первый концепт наделяется свойством второго, которое рассматривается как концептуальный признак [4].

· Материалом для анализа послужили языковые данные современных бестселлеров. Авторы исследуемых работ используют различные речевые тактики воздействия на читателя. У Н. Правдиной (в примерах - Н.П.) это тактика «поглаживания», у М. Норбекова (в примерах - М.Н.) же – «бичевания». В этой связи можно говорить о существенном отличии создаваемых авторами образов. Однако оба автора стремятся к одной цели – научить человека жить. Отсюда ключевой образ, общий для рассматриваемых произведений, – **человек – мастер, творец** (М.Н.: *станьте творцом собственной судьбы; вы творите свой мир*; Н.П.: *в захватывающем потоке созидания, творения собственной счастливой жизни; стройте новую жизнь*).

Выбирая полярные тактики, авторы создают и полярные образы. У Н.Правдиной они положительные: ей важно дать почувствовать человеку то, что в нем заключено все самое доброе и прекрасное, и именно через это он может прийти к счастью. Немаловажное значение для этого автора имеет степень легкости достижения жизненного благополучия. Отсюда **человек в образе волшебника** (я *исполняю желания*). Одним из главных критериев счастливой жизни является материальное благополучие. Поэтому много внимания автор уделяет образам денег: **деньги – вода** (со знаком плюс) (*приток денег; деньги потекут к вам; теплый денежный поток*); **деньги – люди** (*деньги должны работать на вас; деньги хотят, чтобы вы получали от них удовольствие; деньги любят уверенных в себе людей*). Создание этих образов обусловлено стремлением Н.Правдиной внушить читателю, что деньги – это подвижная энергия, которая легко, как вода, может «притечь» к любому.

Главное условие достижения спокойствия и счастья, по М. Норбекову, – это здоровый образ жизни. При этом важно здоровье как физическое, так и психологическое. В отличие от «восхваляющей» Н.Правдиной, М.Норбеков критикует читателя, «выпячивая» его недостатки, вследствие чего в работе преобладают отрицательные образы. В связи с этим важное место в его книге отводится образам болезни и лени: **болезнь – враг** (*...если больной встает против болезни плечом к плечу с врачом, то победа обеспечена; все его [больного] подсознательны поступки в большинстве случаев работают на защиту своего недуга*); **болезнь – вода, влага** (со знаком минус) (*болезнь будет глубже впитываться в сознание, в каждую клеточку тела...*); **лень – враг** (*если вы своей лени объявите войну, не думайте, что она сразу испугается и капитулирует; лень начинает атаковать*); **проблемы – груз** (*таскаете на спине свои нерешённые проблемы*). Обращение к вышеприведенным образам говорит о желании автора внушить читателям мысль о том, что болезни и лень – главные препятствия на их пути к счастливой и спокойной жизни, а в своих проблемах люди виноваты сами, о том, что от всего этого можно, а главное, нужно избавиться

Исследование показывает, что обращение к образам в изучаемых работах неслучайно. Авторы создают их с целью воздействия на подсознание читателя, чтобы изменить его мысли, представления об окружающем мире, а вместе с ними и саму жизнь.

Литература

1. Баранов А.Н. Очерки когнитивной метафоры // Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора: Материалы к словарю. – М.: Ин-т русского языка, 1991. – 193 с.
2. Борисова Е.Г. Алгоритмы воздействия. – М., 2005. – 140 с.
3. Демьянков В.З. Семантические роли и образы языка // Язык о языке: Сб. статей / Под общ. рук. и ред. Н.Д. Арутюновой. – М.: Школа «Языки русской культуры», 2000. – С. 193-270.
4. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика: Учеб. пособ. – М., Едиториал УРСС, 2000. – 352 с.
5. Чернейко Л.О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени. – М., 1997. – 320 с.

Добрынина К
ПермГУ.
(Пленарный доклад)
kareglazajaKs@yandex.ru
Научный руководитель –
доктор филологических наук,
профессор,
Е.А.Баженова

Журнальные заголовки в аспекте концепции коммуникативных сбоя

Коммуникативный сбой (далее - КС) рассматривается нами в текстуальном аспекте, где субъектами коммуникации выступают с одной стороны – автор публикации (журналист), а с другой стороны – читатель.

Ряд исследователей отождествляют близкие в своем роде понятия «коммуникативного сбоя» (КС) и «коммуникативной неудачи» (КН) - см. работы Б.Ю. ородецкого, И.М. Кобозевой, И.Г. Сабуровой и др.

Исследователи В.В.Хмелевская и Л.И. Гришаева придерживаются иной точки зрения и проводят чёткое разграничение между этими двумя понятиями – КС и КН. «Коммуникативную неудачу следовало бы отнести к результату всей коммуникативной деятельности адресанта при конкретных условиях коммуникации, а понятие коммуникативный сбой - к таковой адресата в соответствующих условиях [1]. Вслед за Хмелевской и Гришаевой мы разводим понятия коммуникативного сбоя и коммуникативной неудачи. Мы полагаем, что КН, возникающие при чтении текстов СМИ с использованием прецедентных текстов, порождаются различиями культурной базы знаний читающей и пишущей аудитории.

В большинстве случаев в заголовках публицистических материалов измененный компонент ПТ несёт на себе смысловую нагрузку, вводя тему публикуемого материала. В результате актуализируются прежде всего семантические поля заголовка, способствующие пониманию публицистического материала. В таких случаях КС встречаются редко.

Сравните: *«Стратегия узбека»* – *«NW» №74*. (Ислам Каримов заключил союзнический договор с Россией после того, как Узбекистан стал для Запада страной-изгоем).

Читатели почти стопроцентно угадывают, что речь пойдет об одном из правительственных лиц Узбекистана (тема заложена в видоизмененном ПТ). Далее происходит апелляция к исходному ПТ - «стратегия успеха» и актуализация смысла данного высказывания. Смысловая отнесенность с текстом логически разворачивает следующим образом: Ислам Каримов выбрал для своей страны «успешную стратегию» развития, заключив союзнический договор с Россией. Заголовок оценивается читателями как коммуникативно-удачный.

Казалось бы, в подобных случаях вопрос о коммуникативных сбоях не имеет места быть. Однако встречаются случаи коммуникативных сбоев, которые базируются на различиях уровня образованности участников коммуникации.

«Вначале было тесто» – «NW» №68. (В России вышел первый школьный учебник биологии о божественном сотворении мира).

1 вариант: коммуникативно-удачный. Исходный материал - фраза из Евангелия от Иоанна «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». Практика показывает, что трансформированный вариант (в данном случае слово «тесто») выходит для читателя на первый план, так является видоизмененной частью, следовательно, несет на себе тематическую окраску, и отсылает читателя к кулинарной тематике. Ассоциативные связи с исходным вариантом остаются на втором плане, но всё-таки актуализируются. В качестве предполагаемой темы материала читатели, например, называют «акт творения кулинарных блюд». Таким образом, авторские интенции до начала прочтения публикации остаются непонятыми. Происходит коммуникативный сбой, который после прочтения материала разрешается коммуникативной удачей: читатель разгадывает ход журналиста и признает заголовок удачным.

2 вариант: КС, завершающийся КН, порождается тем, что читатель не способен узнать исходный вариант ПТ, используемого в заголовке, и как следствие, соотнести смысл ПТ и текст. Скорее всего, незнание библейского текста обусловлено не только «культурной безграмотностью» информантов, но и принадлежностью к иному вероисповеданию. Коммуникативная неудача в данном примере – налицо. Произошло «несовпадение коммуникативных намерений отправителя информации с коммуникативными намерениями получателя» [2].

Интересный случай зафиксирован в нашем эксперименте относительно публикации под заголовком **«КрОй родной»** – «NW» №71. (Из 15 процентов покупателей, которые могут себе позволить «марочную» одежду, уже четверть выбирает российских дизайнеров).

Большинство читателей уже по заголовку понимают, что речь пойдет о моде и об отечественном производителе. Но интересен тот факт, что часть реципиентов не смогла соотнести название статьи со смысловой наполненностью текста, потому что изначально заголовок был УВИДЕН в исходном варианте как «крАй родной». Поэтому предварительный прогноз темы материала (ассоциации о просторах родной природы и т.д.) не оправдался и читатель очутился в ситуации коммуникативной сбой. Прочитав публикацию полностью, неудовлетворенный читатель возвращается к заголовку, пытаясь распознать замысел журналиста. И это ему удастся, потому что второй раз заголовок прочитывается верно и всё встает на свои места. КС сменяется коммуникативной удачей. Необходимо заметить, что ситуация «ложного» (ошибочного) прочтения заголовка не связана с невнимательностью адресата, это обусловлено тем, что в нашем культурном фонде выражение «крАй родной» занимает настолько устойчивую позицию, что способно воспроизводится у человека на бессознательном уровне.

Нельзя не отметить тот факт, что на понимание заголовка и смысла текста влияет визуальное «сопровождение» публикации – фотографии, картинки, ка-

рикатуры, а кроме этого название рубрики и «lead» материала. Потому как читатель независимо от своего желания обращает внимание на все вышеуказанные дополнения к тексту. Что позволяет ему настроиться с журналистом на одну волну и понять его интенции.

Таким образом, трансформированные прецедентные тексты (ПТ) в составе современных журнальных заголовков могут провоцировать читателя, и последний может оказаться в ситуации коммуникативного сбоя (КС). В случае соответствия содержания текста ожиданиям адресата коммуникативный сбой разрешается коммуникативной удачей. В случае обманутых ожиданий может завершиться коммуникативной неудачей.

Литература

1. Гришаева Л.И. Хмелевская В.В. Коммуникативная неудача и коммуникативный сбой как негативный коммуникативный результат // Германские, романские и русские языки в сопоставительном аспекте. Воронеж, 1998. С. 43
2. Бурвикова Н.Д. Костомаров В.Г. Жизнь в мимолетных мелочах. Спб., 2006. С. 59

**Симушова О.,
ПермГУ.**

Научный руководитель –
доктор филологических наук,
профессор,
Е.Н. Полякова

Структура женских антропонимов в кунгурских актах второй половины XVII – начала XVIII вв.

В работах по русской исторической ономастике недостаточное внимание уделяется формам именования женщин, поскольку последние, не имея никаких юридических прав, реже, чем мужчины, упоминаются в памятниках деловой письменности XI-XVII вв.

Исследователи русской антропонимии, изучая женские имена, наиболее часто обращаются к аспекту сословного выбора имени и частотности употребления имен, что можно найти в работах В. А. Никонова, Л. М. Щетинина и др. Менее всего исследована структура женских антропонимов.

Р. Мароевич, исследуя оппозицию определенных и неопределенных форм притяжательных прилагательных в древнерусском языке, отмечает, что в памятниках письменности XI – XV вв. женщина именуется опосредованно – при помощи мужского антропонима.

Целью нашей работы является описание способов именования женщин в памятниках деловой письменности Прикамья конца XVII – начала XVIII века. На основе собранного материала выявлены антропонимические модели именования женщин, анализ которых является одной из важнейших задач исследования и представлен в данном докладе. Решаются также частные задачи, касающиеся анализа этимологии, структуры, способов образования и частотности употребления антропонимов; кроме того, изучается адаптация заимствованных имен и их функционирование в официальных документах и живой речи.

Материалом исследования явилась антропонимия, зафиксированная в памятниках письменности делового языка Прикамья конца XVII – начала XVIII вв.: Кунгурских актах XVII в. (1668 – 1699), Кунгурской земской судной избе и Кунгурских судебно-административных учреждениях XVII – XVIII вв. Исследованию подверглись около шестисот двадцати случаев употребления женских антропонимов, представляющих собой составные именования женщин, собранные путём сплошной выборки.

Данное исследование опирается на работы С.И. Зинина и Ю.И. Чайкиной, которые рассматривают структуру женских антропонимов в памятниках XVII – XVIII вв., а также на работу Е.Н. Поляковой, Л.В. Паниной, описывающих календарные имена в Прикамье рубежа XVI – XVII вв.

В ходе исследования материала рассмотрены различные антропонимические модели именования женщин. Все модели могут осложняться указанием на национальность женщины (*татарка, черемиска*), социальный статус (*вдова, солдатская жена*), занятие (*работная, просвирня*), место жительства (*Верхиренской четверти татарка*), на возрастной статус (*девочка, девка, девица, женка*), семейные отношения (*сестра, мать, падчерица, сноха, теща, мачеха, невестка, племянница, тетка*) и т.д. Могут осложняться и указанием места проживания (*Кунгурского уезда деревни Неволиты Бориса Оксенова дочь*), рода деятельности (*стрелец, поп, дьяк*), национальности (*татарин*), а также общественного положения (*именитого человека Даниловская жена Строганова*) мужчины.

Мы считаем возможным, рассматривать нарицательные слова и топонимы, осложняющие модели именования, факультативным компонентом, не входящим в состав антропонимической модели.

Полное официальное именование замужней женщины имеет четырехчленную структуру, состоящую из личного имени женщины, её патронима, имени супруга и его фамилии (*Катерина Михайлова дочь Федорова жена Накорякова*), а полное именование незамужней женщины – трехчленную структуру, состоящую из личного имени женщины, патронима и фамилии отца.

Именование от антропонима мужа представлено притяжательным прилагательным, образованным при помощи суффиксов *-овск (-евск)*, *-ов (-ев)*, *-ин*, либо формой единственного числа родительного падежа принадлежности. Патроним женщины представлен в форме притяжательного прилагательного с суффиксом *-ов (-ев)*, *-ин*, образованного от личного имени отца, либо в форме родительного падежа.

Некоторые компоненты полных антропонимических моделей могут отсутствовать, в связи с чем есть возможность выделить различные модели именования. В кунгурских актах обнаружено 19 моделей, в которых не учитывается порядок следования компонентов, т.к. мы рассматриваем его факультативным. Наиболее частотным является именование женщины по личному имени, которое может быть представлено либо полным, либо вторичным образованием.

Именование женщины может также осуществляться и через антропонимы других мужчин (свёкра, сына, брата, пасынка, отчима, работодателя и т.д.), что обусловлено экстралингвистическими факторами.

Исследованию подверглись христианские календарные имена, т.е. заимствования из греческого, латинского, древнееврейского языков, а также татарские и башкирские личные имена в русской транскрипции. Для них характерны определенные фонетические преобразования, отражающие разные процессы становления национального русского языка.

По нормам делового языка исследуемого периода, полные имена в той фонетической и морфологической форме, в какой они существовали в святцах, редко употреблялись в официальных документах. В связи с этим есть возможность проследить способы адаптации имени в языке, его функционирование в живой речи и в моделях официального именования.

В кунгурских актах второй половины XVII – начала XVIII вв. обнаруживается постоянное и сложное взаимодействие официального делового языка и разговорной речи в области словообразования. В документы проникают характерные для живой речи вторичные имена с антропоформантами, наиболее распространенными из которых являются *-ица* и *-ка*, а также с нулевым суффиксом; реже отмечаются имена на *-утка* (*-ютка*). В текстах документов зафиксированы также отыменные прозвища на *-иха*, образованные от имени мужа (*Терёшиха*, *Апасиха*), которые характеризуют разговорную речь.

В полной официальной четырехчленной модели именования женщины чаще всего употребляются полные имена, за редким исключением в более ранних текстах. Неполные модели могут быть представлены как фонетически полными вариантами имен, так и вторичными именами (дериватами).

Описанные в работе модели именования женщины в официальных документах рубежа XVII-XVIII вв., выводы и собранный материал могут быть использованы при изучении женской антропонимии других регионов и иных временных периодов.

Вдовина К.,
ПермГУ.
vdovinaks@inbox.ru
Научный руководитель –
доктор филологический наук,
Ерофеева Т.И.

Устаревшее слово в социалингвистическом эксперименте

В Лингвистическом энциклопедическом словаре [1] «устаревшие слова – это слова, вышедшие из активного употребления, но сохранившиеся в пассивном словаре и в большинстве своем понятные носителям языка. В зависимости от причин архаизации устаревшие слова делятся на 2 разряда: историзмы и архаизмы». В нашей работе мы используем термин «устаревшие слова», который включает и архаизмы, и историзмы.

Данное исследование построено на выявлении закономерностей употребления устаревших слов информантами, различающимися по стратам: «пол», «возраст», «место рождения», «уровень интеллекта», «тип образовательного учреждения», «образование» и «специальность». Метод сбора материала - анкетирование. Это надежный метод быстрого получения информации по интересующим вопросам, позволяющий исследователю выявить моменты речевого поведения говорящего, которые могут не проявиться при непосредственным наблюдении за его речью. В работе изучается устаревшее слово в социалингвистическом ключе. Материалы составили: собственные наблюдения (по страте «пол», «возраст», «образование» и «тип образовательного учреждения»), результаты исследований Т.И.Ерофеевой (по страте «пол», «возраст», «образование» и «место жительства») и наблюдения студентки 4 курса Н.И.Чезгановой (по страте «возраст» и «интеллект»).

Сведения об информантах распределились следующим образом:

- принадлежность к социально-биологическому полу: мужчины-102 человека, женщины- 94;
- возраст: 14-17 лет – 72 человека, 20-30 лет - 18 человек, 50-60 и старше - 13 человек;
- специальность: 24 информанта с гуманитарным образованием и 18 с негуманитарным;
- место проживания: город Пермь – 32 человека, райцентр – 23 человека;
- уровень интеллекта: высокий уровень - 28 человек, средний уровень - 21 человек, низкий уровень - 21 человек;
- тип образовательного учреждения: гимназия – 36 человек, общеобразовательная школа - 36 человек;
- образование: высшее - 42 человека, среднее - 26 человек.

Цель данного исследования: провести анализ употребления устаревшего слова людьми различных категорий и выявить зависимость знания и употребления устаревших слов от социально-биологических факторов.

Исследование по различным стратам дало следующие результаты.

Знание устаревшего слова в любой социальной группе, как правило, выше его употребления в любой сфере общения.

Страта **«тип образовательного учреждения»** влияет на языковую развитость учащихся. Исследование показало, что ученики гимназии знают 54,68% устаревших слов, а употребляют 43,81%, а учащиеся общеобразовательной школы знают 40,56% предложенных слов, а употребляют 33,31%. Результаты, полученные в гимназии, выше, чем результаты учеников обычной школы (по параметру «знание» - на 14,12%, а по параметру «употребление» на 10,50%). Это обусловлено тем, что образование информантов различно: гимназия с гуманитарным уклоном и общеобразовательная школа.

Страта **«возраст»** оказывает заметное влияние на речь людей: в возрастных группах 14-17, 20-30 и 50-60 лет разница по параметру «знание» составляет 47,63%, а по параметру «употребление» - 37,49%.

Страта **«пол»** также влияет на различия в речи людей. Результаты показали, что устаревшие слова знакомы как мужчинам, так и женщинам всех возрастов. Женщины незначительно лучше знают устаревшую лексику и употребляют ее в речи чаще: разница в ответах составляет лишь 1,09% по параметру «знание» и 5,48% по параметру «употребление».

Страта **«место жительства»** тоже влияет на употребление и знание устаревшей лексики. Результаты получились следующими: жители города Перми знают устаревших слов больше (58%) и употребляют их в речи чаще (46%), чем жители райцентра (52,5% и 41%).

Анализ анкет показал, страта **«специальность»** оказывает довольно существенное влияние на функционирование устаревших слов в речи: гуманитарии лучше знают устаревшую лексику, чем негуманитарии. Правильно определили значения 52% данных устаревших слов гуманитарии и 41% - негуманитарии, устаревшие слова в речи гуманитариев встречаются чаще (на 10,5%), чем в речи негуманитариев.

Исследование анкет по страте **«уровень интеллекта»** показало, что между общим интеллектуальным развитием школьников, знанием и употреблением устаревших слов существует определенная закономерность: чем выше общий уровень интеллекта ученика, тем процент знания и употребления устаревших слов выше: ученики с высоким уровнем интеллекта знают значения 39,9% устаревших слов из списка, ученики со средним уровнем интеллекта - 26,8% слов, а с низким уровнем - всего 15,4%. По параметру «употребление» градация сохраняется: 37,5% устаревших слов используют в речи ученики с высоким уровнем интеллекта, 16,5% - со средним уровнем и 4,9% с низким.

Проследив различие ответов в анкетах в зависимости от страты **«образование»**, получили, что информанты с высшим образованием, как и следовало ожидать, знают значения устаревших слов лучше на 5%, а употребляют эти слова в своей речи на 3% чаще, чем информанты со средним образованием.

Таким образом, различие результатов выстраиваются в следующую закономерность:

1. возраст («знание» - 47,63%, «употребление» - 37,49%);
2. уровень интеллекта («знание» - 24,5%, «употребление» - 32,6%);
3. тип образовательного учреждения («знание» 14,12%, «употребление» 10,5%);
4. специальность («знание» - 11%, «употребление» - 10,5%);
5. место жительства («знание» - 5,5%, «употребление» - 5%);
6. образование («знание» - 5%, «употребление» - 3%);
7. пол («знание» - 1,09%, «употребление» - 6,18%).

Следовательно, для развития языковой культуры решающее значение имеет возраст и уровень интеллекта индивида, т.к. разница в этих стратах по параметрам «знание» и «употребление» больше, чем в других стратах.

Литература

1. Лингвистический энциклопедический словарь. 2-е издание, дополненное/ главный редактор В.Н.Ярцева. М.: Большая российская энциклопедия, 2002.

**Смирнова И.,
ПермГУ.**

smiria86@rambler.ru

**Научный руководитель –
доктор филологических наук,
профессор,
М.П. Котюрова**

Сложноподчинённое предложение в эпистемическом аспекте

Коммуникативные задания научного стиля (сообщение нового знания, доказательство его истинности и др.) требуют установления точных логико-семантических отношений между исследуемыми объектами. СПП с изъяснительными придаточными в научном стиле выражают различные мыслительные и экспериментальные действия человека в процессе его познавательной деятельности (описывают ситуацию логического и эмпирического получения знания, устанавливают логико-семантические отношения между понятиями и т.д.); отражают преимственность научного знания; подчеркивают логичность речи и последовательность изложения, а также выполняют ряд других функций.

Субъект познавательной деятельности может быть выражен в научном произведении в большей или меньшей степени, однако, безусловно, что рефлексия автора над научными, познавательными операциями всегда имеет место в подобном типе текстов. При помощи СПП здесь часто характеризуется отношение автора научного текста к получаемому им знанию, достоверность или недостоверность этого знания, разграничивается знание, незнание, мнение, предположение и т.д. Например, сравним два предложения. *В силу универсальности гравитации можно выдвинуть гипотезу, что сохраняющая плотность тензора энергии-импульса всех полей материи является источником гравитационного поля.* Данное предложение отражает лишь предположение автора относительно свойств гравитационного поля, тогда как следующее предложение свидетельствует об уверенности автора в излагаемой информации: *Из выражения очевидно, что величина также полностью определяется в одной системе координат.* При этом важно отметить, что оба вывода делаются на основании какого-то другого, предшествовавшего им знания.

Исследуемые конструкции в научном тексте могут характеризовать целый ряд эпистемических сущностей, таких как объекты изучения, намерения автора, действия субъекта познания во время его научной деятельности, а также способы изложения научного знания.

СПП могут характеризовать и актуализировать эпистемические намерения субъекта познавательной деятельности, его цели и задачи, действия, а также демонстрируют выполнение этих действий. К примеру, *Докажем, что при использовании константы Хемеля величина коэффициента А для конкретных таксонов будет иметь совсем иные значения или Прежде чем переходить к получению аллометрических соотношений, рассмотрим вопрос о зависимости стандартного обмена от температуры среды.* Каждый шаг рассуждения разбивается на ряд последовательно осуществляемых операций, которые чаще всего реализуются в тексте при помощи СПП.

Немаловажно то, что при помощи данного типа предложения автор научного текста может апеллировать к своей речи, организовывать изложение, устанавливать его последовательность, делать повествование связным и логичным: *Выше уже отмечалось, что мышление всегда относится к чему-то, ибо без сущего, о котором оно высказывается, мы не найдем мысли; Дальше речь пойдет о том, что нет и не может быть пространства и времени вне изменяющегося.*

Кроме того, СПП – это не только способ преподнесения научного знания, но и способ его доказательства. Эта функция во многом связана с употреблением СПП с придаточными с общим значением обусловленности. Эти предложения больше, чем другие, связаны с выражением модальности достоверности, отражая определенную ответственность говорящего, устанавливающего наличие тех или иных отношений между ситуациями окружающего мира. По мнению С.Г. Ильенко, «можно полагать, что если говорящий берет на себя ответственность за достоверность установления причинно-следственных отношений, то он должен избрать самую очевидную для этой роли структуру»¹. Например, *По энергетическому метаболизму можно судить о потенциальной возможности живой системы диссипировать энергию, так как дыхание и гликолиз соответ-*

ствуют подводимой к системе мощности, так что для живых систем должно быть справедливо данное равенство.

Исследуемая нами конструкция используется на всех этапах развертывания научного изложения. Так, при помощи СПП устанавливаются объект и предмет исследования, его основная проблема, намечаются вопросы, на которые необходимо ответить (*Суть проблемы заключается в том, что в произвольных координатах инвариантный элемент объема в пространстве Минковского определяется выражением A , а инвариантный элемент объема в римановом пространстве определяется выражением B*); вводятся термины, формулы, таблицы и т.д. (*Мы для общности ввели параметр μ , который в системе единиц является массой покоя фотона*); высказываются гипотезы (*В силу универсальности гравитации можно выдвинуть гипотезу, что сохраняющая плотность тензора энергии-импульса всех полей материи является источником гравитационного поля*); оформляются аргументы в пользу гипотезы (*Поскольку гравитационное поле, как и все другие физические поля в пространстве Минковского, описывается в одной системе координат, то из выражения 5.6 очевидно, что величина ζ также полностью определяется в одной системе координат*); делаются отсылки к старому знанию (*Обычно, следуя Эйнштейну, считали, что метрика η является тензором только относительно преобразований Лоренца*); формулируется вывод (*В то же время из предыдущих рассуждений мы приходим к выводу, что плотность лагранжиана материи имеет вид 2.12*) и т.д.

Итак, СПП в научном тексте широко применяются для характеристики целого ряда эпистемических сущностей, используются на каждом этапе смыслового развертывания текста, являются одним из основных средств представления и аргументации нового научного знания.

Литература

1. Ильенко С.Г. Антропоцентризм в зеркале сложноподчиненного предложения // Слово. Словарь. Словесность. 2005. С.64.

Абрамова В.,
ПермГУ.
abramovsdom@dom.raid.ru
Научный руководитель –
доктор филологических наук,
профессор,
Б.В. Кондаков

«Мир культуры» в творчестве Л. Улицкой (книга «Люди нашего царя»)

Яркая особенность поэтики произведений Улицкой – создание разноголосного пространства реальной жизни. Модель мира, созданная Л. Улицкой, отражает уникальность и самоценность бытия человека, передаёт изменчивость, вариативность самой человеческой жизни.

«Люди нашего царя» (2005) – это книга коротких рассказов, объединённых сквозным персонажем по имени Женя и темой «маленьких» людей, которые восхищаются, дерутся, «убивают друг друга и целуются». Писательница стремится к прочтению своей эпохи, но не столько в её непосредственном предметном виде, сколько преломлённой сознанием, психикой, чувствами, эмоциями, то есть внутренним миром современного ей человека. Случайный подбор явлений, быстрая смена лиц и событий, является более достоверным портретом культуры.

Своеобразие книги определяется авторским замыслом. В предисловии Улицкая характеризует принцип, по которому создавалась эта проза: «Куча осколков. Никакого цельного я. Ужасная догадка: нет никакого «я», есть только одни дорожные картинки, разбитый калейдоскоп, и в каждом осколке то, что ты придумывал, и весь этот случайный мусор и есть «я»...».

Этот принцип художественного видения мира мы называем *калейдоскопом*. Под *калейдоскопом* как художественным принципом мы понимаем особое отношение к жизни, направленное на расширение субъективного опыта *личности* посредством познания и переживания того, что составляет содержание характеров и поступков героев.

Калейдоскоп как *структурный и содержательный принцип* – особый способ отражения культуры, угол зрения автора на действительность, оказавший существенное влияние на жанрообразование. По принципу *калейдоскопа* организована жанрово-тематическая структура этой книги (в книге находим такие жанровые формы, как «сценка», «зарисовка», «воспоминание», «дорожные картинки», «отрывок» и т. д.).

Калейдоскопический принцип организации текста наметился, как нам представляется, в произведениях, появившихся в 60-х гг. XIX века – в очерках и рассказах Н.В. Успенского, В.А. Слепцова, Ф.М. Решетникова. В этот период нарастает тенденция к запечатлению многоголосья народной жизни, к смешению привычных жанровых норм, к размыканию плоского одномер-

ного повествования. Писатели стремятся совместить разные ракурсы и точки зрения на одно и то же явление. Улицкая в «Людах нашего царя» осуществила этот принцип как нечто целиком обдуманное в *содержательном, смысловом и структурном* планах.

Через *калейдоскоп* рассказчик как бы вглядывается в сущность жизни, привлекает сокровенное человеческих душ, прислушивается к другим голосам, собирает рассыпанную в диалогах, картинках мудрость.

Своеобразие книги в том, что каждому герою, рассказчику, самому автору мир дан в особом аспекте. Перед нами разные голоса, носители противоположных точек зрения, не уступающих ни в чём друг другу. В какой-то момент – и это очень характерно для Улицкой – голоса беседующих словно высвобождаются из всего случайного и преходящего, и рассказчик переводит их в план всеобщего.

Цикл *«Люди нашего царя»* включает множество историй и эпизодов, частью мелодраматических, частью трагических, повседневных. Мир, словно *калейдоскоп*, разбит на жизни отдельных людей. Автор-рассказчик организует этот огромный оркестр человеческих голосов. Он слышит звучание каждого, тонко различает в звуках человеческой речи и ложь, и правду. Нередко получается какофония, шум неслаженный, дисгармоничный.

Архитектоника, ритмичность многих рассказов близка к композиции *мозаики*, изображению, составленному из плотно пригнанных друг к другу кусочков разноцветных материалов. Композиция многих рассказов строится на разных уровнях, ракурсах, измерениях, точках зрения, на постоянном переключении из одной сферы в другую (*«Путь осла», «Коридорная система», «Том», «Финист Ясный Сокол», «Короткое замыкание»*).

Цикл *«Тайна крови»* рассказывает о проблемах семьи, тайнах рождения, о жизни, которая может развернуться «самым странным образом». Читатель наблюдает быстро сменяющиеся симметричные цветковые узоры сквозь призму прозрачного стекла. Возникает новый своеобразный узор *калейдоскопа*, но самые случайные сочетания кусочков стекла обнаруживают соразмерность и целесообразность.

В рассказах цикла *«Они жили долго»* исследуются вечные вопросы человеческого бытия – любовь, жизнь, смерть. По принципу *калейдоскопа* совмещаются воспоминания, реальная жизнь, сложившаяся на пересечении глобальных событий и частных их отзвуков.

Рассказы из *«Дорожного ангела»* представляют собой «дорожные картинки», путешествие автора-рассказчика, а вместе с ним и читателя по культуре разных народов. Рассказчик встречается с людьми разных национальностей (армянами, грузинами, арабами, немцами, американцами, японцами, голландскими немцами), людьми разных возрастов, характеров, судеб.

Цикл *«Последнее»* состоит из рассказов-фрагментов, осколков фраз и разговоров о боге, бытии. В этом цикле традиционная организация текста сюжетом отсутствует.

Таким образом, Улицкая осмысляет культуру как определённый уровень развития современного общества, выраженный в формах организации жизни и

деятельности людей, в их взаимоотношениях, в создаваемых ими материальных и духовных ценностях.

Динамизм современного мира воплощается в композициях, дающих представление о разноритмичных жизненных процессах, о сложных задачах их упорядочения самим человеком, отражает многоаспектность культуры и бытия человека.

**Гурова Е.,
ПермГУ.**

Научный руководитель –
кандидат филологических наук,
доцент,
Е.М. Четина

Образ юродивого в романе Ф. М. Достоевского «Бесы»: парадоксы «нулевого» пространства

«Безвредное юродство оставалось приметой повседневной жизни России весь XIX век»[1; 323]. При этом необходимо отметить, что в повседневной культуре и литературе конца XIX века происходит значительная трансформация образа юродивого по сравнению с классическим юродивым (представленным, например, в частности, в трагедии А.С. Пушкина).

Сущность классического юродства определяют две составляющие: во-первых, оно «как бы повторяет крестный путь спасителя»; во-вторых, его обязанность заключается в том, чтобы «ругаться миру». В обрисовке образа Семёна Яковлевича редуцируется первая составляющая, то есть «пассивная часть юродства, обращённая на себя, – аскетическое самоуничтожение, ... оскорбление и умерщвление плоти, подкрепляемое буквальным толкованием некоторых мест Нового Завета» [2; 101].

Трансформация образа проявляется прежде всего на уровне атрибутов одежды и обуви, образа жизни юродивого, а также в редукции стремления к оскорблению и умерщвлению плоти: канонический юродивый «укорение приемлет и биение от безумных человек, яко юрод вменяем ими и безумен». В романе народ сам приходит к юродивому в надежде услышать от него «милостивое слово».

Таким образом, в романе наблюдается отражение характерного для повседневной культуры того времени, упрощение явления юродства: остаётся в прошлом подвижничество в чисто церковном смысле и становится актуальной социальной функция юродства, основанная на христианской морали. Сохраняется, также в несколько искажённом виде, лишь активная сторона юродства, заключающаяся в «обязанности “ругаться миру”».

Одной из характерных черт активной стороны юродства, сохранившейся в образе Семёна Яковлевича, является его речь. Высказывания классических юродивых «невразумительны, но всегда кратки, это либо выкрики, междометия, либо афористические фразы» [2; 122]. Такой же по структуре является речь Семёна Яковлевича: она состоит из отрывистых фраз-восклицаний, фраз-выкриков, как кажется, невпопад сказанных («Внакладку!», «Дай ей!», «Миловзоры! миловзоры» и т.д.). «В инвокациях и сентенциях юродивых, как и в пословицах, весьма часты созвучия» [2; 122]. Можно сказать, что ту же функцию созвучия в речи Семёна Яковлевича выполняют довольно частые повторы во фразе-восклицании одного и того же слова («Миловзоры! миловзоры!», «Ещё, ещё ему!», «Ещё ей фунт, ещё!», «Одну отнять, отними!», «Длинному, длинному», «Елей, елей!»).

В данной сцене проявляется ещё одна яркая черта юродивого, являющаяся принципиальным отличием его от шута. «... Юродивый провоцирует к смеху аудиторию, перед которой разыгрывает свой спектакль, но смеяться над ним могут только грешники (смех греховен). Рыдать над смешным – вот благой эффект, к которому стремится юродивый» [2; 103-104]. Ярко проявляется эта черта в сцене с Маврикием Николаевичем у Семёна Яковлевича, где соединяются смех и очищающий испуг и слёзы Лизы.

Однако, несмотря на определённую редукцию культурного феномена юродства, образ юродивого в романе имеет, на наш взгляд, сложный символический смысл.

Символичным в контексте юродства становится пространство сцены с Семёном Яковлевичем. Подобно тому, как в классическом явлении паперть, где наиболее часто «шалует» юродивый, – «это нулевое пространство, пограничная полоса между миром светским и миром церковным» [2; 154], то есть пространство вне культур, так и пространство комнаты, где принимает гостей и обедает романский юродивый, также является «нулевым», исключённым из мира светской культуры. Большую роль играет здесь явление парадокса «нулевого» пространства: «для юродивого людная паперть – тоже символ одиночества, бездомности и отверженности» [2; 154]. Семён Яковлевич, действительно, одинок среди своих посетителей. Однако примечательно и другое: людная, переполненная народом комната, по сути, становится «нулевым» пространством, символизирующим «одиночество» и «отверженность» и для каждого из героев. Они ведут себя порой странно, неадекватно ситуации (поведение Лизы у Семёна Яковлевича, поведение Маврикия Николаевича), т.е. отчасти приближаются к юродивому поведенчески.

В контексте «нулевого» пространства появляется и ещё один парадокс: жесты, которые в обычной ситуации воспринимались бы как само собой разумеющиеся, в данном случае приобретают сакральный смысл.

Одним из таких символических жестов можно назвать особенности «манипулирования» юродивого с сахаром. В данной сцене один и тот же жест-символ Семёна Яковлевича (налитый чай с сахаром) может в разных ситуациях означать совершенно противоположное: в одном случае, это обличение греховности, а в другом – указание на блаженного человека.

Таким образом, в целом, можно отметить принципиальную многозначность поведения юродивого. Нулевое, «внекультурное», пространство лишено твёрдых правил интерпретации символов: символические значения приписываются здесь самими героями. Общий смысл образа юродивого заключён, на наш взгляд, вне его – в самом «нулевом пространстве», в пределах которого герои романа получают важный нравственно-психологический опыт.

Литература

1. Иванов С.А. Блаженные похабы: Культурная история юродства. М.: Языки славянских культур, 2005.
2. Лихачёв Д.С., Панченко А.М. Смеховой мир Древней Руси. Л.: Наука, 1976.

Раскина Д.,
УрГУ.
(Пленарный доклад)
alexiei-6@yandex.ru
Научный руководитель –
кандидат филологических наук, доцент
А.В. Маркин

Люди и ангелы в повести Антонии Сьюзан Байетт «Ангел супружества»

Действие большинства произведений Байетт происходит в Англии, однако в творческой манере писательницы заметно стремление расширить рамки художественных средств, присущих английской литературе, и тем самым преодолеть «островную замкнутость», которая, по её мнению, характерна для британских писателей её поколения. Благодаря этому в книгах Байетт сочетается бережное отношение к английской литературной традиции со смелым новаторством, искренность чувств с интеллектуальной игрой, историческая достоверность с вымыслом. Любимыми персонажами Байетт, наряду с людьми, являются мифологические и фантастические персонажи, которых она часто трансформирует практически до неузнаваемости. Именно так она поступает с ангелами в новелле «Ангел супружества».

В книге «Ангелы и насекомые», частью которой и является «Ангел супружества», Байетт применяет излюбленный постмодернистский прием вкрапления текста в текст (как и в других своих романах, например в «Одержимости»). Причем в повествование вплетаются как цитаты и отрывки из реально существующих произведений (стихи Теннисона, Китса, Мильтона и др.), помогающие воссоздать дух эпохи, так и произведения вымышленных героев, стилизующие этот дух.

Традиционная концепция женственности, разработанная во второй половине XIX в., подразумевала, что женщина должна быть своего рода собственностью мужчины, служить украшением его дома, быть «ангелом в доме». Женщине категорически запрещалось работать, она могла только принимать с благодарностью то, что ей предлагалось. В женщине прежде всего ценились добродетель, невинность, покорность, мягкость, нежность, благородство, скромность, доброта. Единственные страсти, которые могла испытывать женщина – это любовь к дому, детям и домашним обязанностям. Но в викторанской культуре существовал и совершенно противоположный образ женщины – свободной, духовно и телесно раскрепощённой (условно назовём её Лилит). Дихотомия «Мадонна-Лилит» была одним из самых значимых элементов викторианской морали.

□ В XIX века в Америке и Европе в моду вошёл спиритизм – вера в то, что мёртвые могут общаться с живыми. Спиритуалисты взяли на вооружение ряд идей Эммануила Сведенборга, который считал, что «ангелы имеют челове-

ческий образ». Это представление об ангелах отличается от мифологического и библейского, где ангелы – либо бесплотные существа, отождествляемые с огнём, ветром, светом или дымом, либо имеют подобия человеческих рук, крылья, множество глаз и четыре лица.

Действие новеллы «Ангел супружества» происходит в викторианской Англии XIX века. Новелла основана на подлинных взаимоотношениях – любовной истории сестры Альфреда Теннисона и Артура Галлама и горячей дружбы Теннисона и Галлама. Эта история, захватившая воображение Байетт, послужила толчком к написанию романа.

Описания спиритических сеансов, воспоминания и размышления героев связываются изложением отвлеченных теорий Сведенборга. Лилиас Папагай, муж которой несколько лет считается пропавшим без вести, зарабатывает на жизнь спиритическими сеансами. Медиум Софи Шики видит духов и может общаться с ними. Эмили Джесси, урожденная Теннисон, ждет послания от умершего много лет назад возлюбленного Артура. Мистер Хок, дьякон Новоиерусалимской церкви, излагает постулаты Сведенборга и его классификацию ангелов. Эти персонажи рассаживаются вокруг стола и вслушиваются в послания духов.

Ограниченность викторианской женщины домом и бытом подстёгивала воображение. Действительно, только викторианский мужчина мог обрести поддержку своего «ангела-хранителя», женщина же была лишена такой возможности. Антония Байетт не подвергает викторианскую эпоху резкой критике, но признаёт, что постоянное следование правилам и предписаниям могло приводить к унынию и разочарованиям. Если нельзя найти «ангела» в реальной жизни, его приходится создать. Но женщины не создают нежного и кроткого ангела, напротив, они видят (или считают, что видят) куда более мощное существо.

В описаниях ангелов нас может ввести в заблуждение слово «он», используемое в переводе, тогда как в оригинале Софи отзывается о существе не иначе как «it» – «оно». Поэтому невозможно понять, какого пола увиденный ею ангел (если ангел вообще имеет половую принадлежность). Сведенборг полагал, что «супружеская любовь берет начало свое в соединении двух личностей в один дух . и в таком случае говорится об этих личностях не как о двух, но как об одной: вот почему двое супругов на небесах не называются двумя ангелами, а одним». Таким образом, каждый ангел является двуполым и соединяет в себе мужское и женское начала. Истоки такого подхода можно обнаружить в античности, подобные мифы встречаются в Книге Бытия, в Талмуде и так далее. Карл Юнг объясняет стремление к гермафродитизму следующим образом: «Двуполое прасущество в течение культурного развития становится символом единства личности, самостью, в которой конфликт противоположностей обретает покой. Прасущество как цель самоосуществления человека с самого начала остается проекцией бессознательной целостности». Наконец, сам ангел «Велит передать Эмили... миссис Джесси, что... что соединится с ней и они станут одним Ангелом. Там, за могильной чертой».

Викторианские женщины создавали собственных ангелов, ища у них поддержки, и, возможно, понимания смысла существования. Фантазии главных ге-

роинь описаны не как обычные выдумки, но как творчество. Антония Байетт дополняет эту идею в финале «Ангела супружества». Героини отказываются от райских ангелов: Эмили Джесси понимает, что не может оставить своего мужа – всю жизнь она пыталась сохранить любовь к мертвецу и теперь понимает, что настоящая её половина – это земной супруг. Лилиас Папагай тоже обретает счастье – она встречает мужа, которого много лет считала погибшим. «Вот она, жизнь после смерти» – думает Софи, наблюдая встречу Лилиас и Артуро. В «Ангеле супружества» Антония Байетт не даёт авторского комментария действиям героев или их эпохе, но с помощью иронии и пародии даёт читателю понять, что говорит о самой себе. В повести сквозь видение человека XIX века проступает видение человека XX века. Ангел, дающий надежду, прекрасен, но простое земное счастье лучше райских куш.

Литература

1. Байетт А. С. Ангелы и насекомые. – М.: Независимая газета, 2000
2. Зброжек Е. В. Викторианство в контексте культуры повседневности // Известия Уральского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2005. – №35
3. Сведенборг Э. О небесах, о мире духов и об аде. – М., 1993

**Упоров А.,
УрГУ.**

uartyom@yandex.ru

Научный руководитель –
доктор филологических наук,
профессор
Н.В. Пращерук

Автор и герой в романе К.Н. Леонтьева «Египетский голубь»

К.Н. Леонтьев (1831-1891) – талантливейший мыслитель, писатель, дипломат и критик. Его литературное творчество, к сожалению, очень мало изучено. Среди авторов немногочисленных работ, посвященных художественной прозе Леонтьева необходимо назвать имена Н.В. Пращерук, Г. Мондри, Л.Н. Зинченко, Е.В. Хрипуновой. А между тем, ещё о. Сергей Булгаков писал: «Кто хочет узнать подлинного Леонтьева, должен пережить чары и отраву его беллетристики». [1]

Роман «Египетский голубь» был начат К.Н. Леонтьевым ещё до 1871 года, а напечатан в «Русском вестнике» в 1881-1882 годах. Леонтьев, начинавший писать это произведение и Леонтьев, отдававший готовый текст в печать, – чуть

ли не разные люди. Именно на время создания данного романа пришёлся тяжелейший духовный кризис писателя, развернувший его мировоззрение к православию. Смена координат авторского мировидения повлекла за собой переоценку создававшегося произведения.

Роман «Египетский голубь» представляет собой дневниковые записи, изданные приятелем консула Владимира Ладнева после смерти последнего. Дневниковые записи, как правило, предполагают некую хаотичность, спонтанность, эпизодичность. А в «Египетском голубе» на страницах дневника консула Ладнева разворачивается целый роман, при чём каждая запись, по сути, представляет собой логично выстроенный и обработанный художественный текст. Вообще, форма дневника использована в данном случае для того, чтобы подчеркнуть исповедальность, интимность, откровенность мыслей героя. Издатель сопровождает записки Ладнева предисловием, в котором сообщает: «Ладнев за это время совсем изменился: он постарел и стал очень печален» (сравните с тем кризисом, который пережил Леонтьев). Введение в структуру романа фигуры издателя усиливает ощущение достоверности, реальности, жизненности описываемых событий. Обратим внимание на то, что издатель не назван по имени, мы знаем только его инициалы, которые совпадают с леонтьевскими – К.Н. Казалось бы, такое обозначение издателя должно фиксировать слияние его позиции с авторской. Но ведь черты Леонтьева угадываются и в Ладневе. И дело тут не только в биографических переключках, которые очевидны (например, случай с «печальным европейцем»). Само освоение окружающего мира с позиции «эстетического универсализма» является чертой, присущей и автору, и созданному им герою. «Леонтьев в художественном творчестве утверждает в качестве главного критерия отбора и оценки жизненных явлений – критерий эстетический», - пишет Н.В. Пращерук. [2] Таким образом, складывается ощущение «двойного присутствия» автора в тексте. Это приём, отчасти схожий с тем, что Д.С. Лихачёв, применительно к творчеству Н.С. Лескова, назвал эффектом «сокрытия» автора.

Как же тогда соотносятся в леонтьевском тексте автор и герой? Чтобы разобраться в этой проблеме, нужно обратить внимание на те компоненты текста, где авторский голос звучит яснее всего. Самой сильной позицией автора является заглавие. Образ египетского голубя, именем которого назван роман Леонтьева, проходит красной нитью через весь текст. Основное качество египетского голубя, подчёркиваемое повествователем, - его отличие от других голубей. Кроме того, египетский голубь осмыслен автором, как исполненный «томительной любви» и «почти болезненной радости». Образ голубя несёт в себе некое эротическое начало (то, что С. Булгаков назвал «чарами» и «отравой» беллетристики Леонтьева). Это эротизм особого порядка, несущий в себе томительное сочетание боли и радости. Нечто подобное испытывает Ладнев по отношению к Маше Антониади. Любовная история рассказана в романе совершенно особым образом. К «Египетскому голубю» в полной мере можно отнести то, что Ю.П. Иваск писал об эпосе «Одиссей Полихрониадес»: «это очень мужской роман, в котором любовь – только слабый мотив, а вся оркестровка развивает другие темы: тут и честолюбие, и корыстолюбие, тут и политические споры и интриги...» [3]

Далее в леонтьевском романе следует подзаголовок «Рассказ русского». Слово «русский» в романе повторяется многократно, становясь ключевым. Л.А. Тихомиров отмечает: « .если нужно выразить самое центральное место его <Леонтьева. – А.У. > личности, его значения, то, я думаю, что определить это можно так. В Леонтьеве - русский человек резче, яснее, отчетливее, чем в ком бы то ни было сознал свое *культурно-историческое отличие* от европейца, и именно поэтому увидал, *какой страшной опасностью* грозит ему тип европейский. Сознание *высоты* своего русского типа у Леонтьева доведено до полной ясности». [4] Кроме того, в тексте романа слово «русский» зачастую подчёркивает уникальность повествователя, его отличие от других: « .я был один русский на целую обширную иноземную область .» [5] Идея исключительности заложена и в имени главного героя – Владимир, т.е. владеющий миром. Фамилия главного героя – Ладнев. Обратившись к словарю В.И. Даля, обнаруживаем, что данная фамилия вписывается в ряд лексем, наиболее яркими из которых являются следующие: «Ладниться – жить дружно, согласно, мирно, любовно», «Ладный – годный, путный, хороший, гожий», «Лад – мир, согласие, любовь, дружба, отсутствие вражды, порядок», «Ладый – милый, сердечный, возлюбленный». [6] Автор создаёт героя – эгоцентриста, открытого для любви и красоты. Именно таким человеком был сам К.Н. Леонтьев.

Автор и герой в леонтьевском романе очень тесно сосуществуют. Их роднит сходность биографий, эгоцентрическое мироощущение, эстетический критерий в оценке жизненных явлений.

Литература

1. Булгаков С.Н. Победитель – Победённый. // Константин Леонтьев: pro et contra: В 2 кн. СПб, 1995. Кн. 1. С. 378
2. Пращерук Н.В. Эстетический универсализм как структурно-стилевой закон леонтьевского текста (на примере романа «Подлипки»). // Текст. Поэтика. Стил. Екатеринбург, 2004. С. 64-78
3. Иваск Ю.П. Константин Леонтьев. Жизнь и творчество. // Константин Леонтьев: pro et contra: В 2 кн. СПб, 1995. Кн. 2. С. 376
4. Тихомиров Л.А. Русские идеалы и К.Н. Леонтьев // «Русское обозрение». 1894. X. С. 870
5. Леонтьев К.Н. Египетский голубь: Роман, повести, воспоминания / Сост., вступ. статья и коммент. В.А. Котельникова. М., 1991. С. 358
6. Даль В.И. Словарь живого великорусского языка: В 4 тт. М, 1995. Т.1. С. 232-233.

Четвертных Е.,
УрГУ.
ekaterinachetv@rambler.ru
Научный руководитель –
доктор филологических наук,
профессор
О. В. Зырянов

Тема Элизиума поэтов в русской лирике

В рамках элизийского текста можно выделить особую тему Элизиума поэтов. Она формируется в 1810-20-х годах в жанре дружеского послания. Мотив Элизиума, своеобразного античного рая появляется в контексте посланий в тех случаях, когда автор, включая в стихотворение список любимых поэтов прежних времен, называет их в одном ряду со своими современниками (см. «Мои пенаты» К. Н. Батюшкова). Так происходит «расширение дружеского круга – за пределы стигийских берегов. “И мертвые с живыми // Вступили в хор един”, – так открывается классический перечень Батюшкова, а по его завершении звучит обращение к Жуковскому и Вяземскому. В “смиренную хату” поэта слетают “веселые тени”, с ними вместе спешат живущие – наставники, классики, а затем и друзья. Таковы приглашенные на поэтический пир Батюшкова, и всем им, живым, как и мертвым, неустанно плетут хариты венцы бессмертия» [1]. Создается миф о бессмертии поэзии и дружбы. Дружеский пир, прерванный внезапной смертью, продолжается в Элизиуме (см. «Элизий» Батюшкова). Этому способствуют и симметрические композиции некоторых стихотворений, посвященных этой теме: так построен «Элизий» Батюшкова (1810), стихотворение Дельвига «В день моего рожденья» (1819). А в стихотворении «19 октября 1825» Дельвиг использует этот прием уже в пределах одной строфы: «В третий раз, мои друзья, // Вам пою куплеты я // На пиру лицейском. // О, моя, поверьте, тень // Огласит сей братский день // В царстве Елисейском» [2]. Данная строфа распадается на две равные части (по 3 строки): первая часть представляет собой описание лицейского пира, а вторая – такого же пира, но уже в царстве мертвых. Переход с одного пира на другой, т.е. смерть, незаметен и воспринимается читателем просто как пауза между строчками.

Легкость этого перехода в мир иной обыгрывается в поэзии указанного периода в особом рода посланиях, адресованных уже умершим поэтам: «К Тас-су» Батюшкова (1808), «Богдановичу» Боратынского (1824). Граница между земным и загробным мирами стирается в этом случае еще более явно и открыто, чем в стихах, адресованных современникам.

Примечательно, что в произведениях некоторых авторов Элизиум поэтов приобретает пародийную окраску. В батюшковском «Видении на берегах Леты» (1809) литераторы XVIII века, уже обитающие в Элизиуме (Ломоносов, Княжнин, Херасков, Богданович), наблюдают за тем, как тонут в Лете, «реке забвения стихов» [3], неудачные произведения современников Батюшкова (Бобро-

ва, Мерзлякова, Шаликова и прочих). Ю. Н. Тынянов в своей статье «О пародии» вводит понятие «пародической личности», для возникновения которой необходимым условием становится «включение в другую систему» [4]. Так, Батюшков оценивает своих литературных оппонентов с точки зрения карамзинизма; в этой системе поэты, близкие к «Беседе любителей русского слова», или даже эпигоны карамзинизма воспринимаются как идеальные объекты для пародии. Надо сказать, что пародирование в «Видении ...» отнюдь не имеет исключительно полемического характера. В этом смысле стихотворение Батюшкова, если придерживаться терминологии Тынянова, ближе к пародическому, чем к пародийному стилю. Таков, к примеру, в «Видении ...» образ Крылова, явившегося к Миносу «в пуху с нечесаной главой, // С салфеткой, с книгой под рукой» [5] и продолжившего в Элизии прерванный смертью обед. В числе обитателей Элизиума появится и Тредиаковский, пожалуй, самый яркий пример «пародической личности» в русской литературе; несмотря на то, что его стихи не потонули в Лете, то есть выдержали испытание забвением, Батюшков осмысляет бессмертие Тредиаковского иронически: Тредиаковский бессмертен именно как пародический герой, недаром ему уподобляется Шишков, главный оппонент карамзинистов.

Еще один вариант Элизиума поэтов находим в текстах, написанных по образцу «*Lugete, o Veneres Cupidinesque...*» Катулла (стихи на смерть воробья Лесбии). У Катулла воробей отправляется в «злые сумерки Орка» («*malae tenebrae Orci*» [6]), а не в Элизиум. Иначе развивается этот мотив в стихотворении Дельвига «На смерть собачки Амики» (1821): Амика идет «за Меркурием» «в те сады, где воробушек Лесбии // На руках у Катулла чиликает» [7]. «Садами» в царстве мертвых может быть назван только Элизиум. Ту же тему развивает в XX веке В. Ходасевич («Памяти кота Мурра», 1934). Кот Мурр ждет своего хозяина «в тех садах за огненной рекой, // Где с воробьем Катулл и с ласточкой Державин» [8]. Тема Элизия поэтов приобретает в подобном контексте более интимное, «домашнее» звучание, но подобная открытость быту не мешает серьезно задумываться о жизни и смерти, о праве поэта на бессмертие. Элизиум и позволяет объединить серьезные раздумья с полушутливой эпитафией домашнему любимцу.

Литература

1. Виролайнен М. Н. Речь и молчание: Сюжеты и мифы русской словесности. СПб., 2003. С. 299
2. Дельвиг А. А. Полное собрание стихотворений. Л., 1959. С. 187
3. Батюшков К. Н. Стихотворения. М., 1987. С. 233
4. Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 303
5. Батюшков К. Н. Стихотворения. М., 1987. С. 239
6. Катулл. Лирика. М, 2005. С. 240
7. Дельвиг Полное собрание стихотворений. Л., 1959. С. 155
8. Ходасевич В. Ф. Собрание стихов М., 1992. С. 358

Леонова М.,
УрГУ.
antropka@inbox.ru
научный руководитель -
доктор филологических наук,
профессор О.Г. Сидорова

Роман Н. Хорнби «About a Boy». Попытка научного комментария

Причины, по которым люди стремятся читать на иностранном языке, делятся на две категории: эстетическую и прагматическую. Эстетическая традиционно связана с индивидуальными особенностями и предпочтениями. Прагматическая преимущественно сводится к желанию познакомиться с чужой культурой и попыткам совершенствовать знание иностранного языка. Однако читателю может быть сложно разобраться в деталях текста без какого-либо вспомогательного материала. В таком случае наиболее удобным выходом является комментарий. Комментарий (от лат. *Commentarius* - заметки, толкование) - жанр филологического исследования, толкующий, разъясняющий текст литературного памятника. Главное его назначение - углублять содержание текста, вскрывать подтекст, прояснять авторский замысел [1].

Произведения современной литературы отличаются от классики, в первую очередь тем, что современные авторы часто используют лексику, не закрепленную еще словарями, требующую семантического и стилистического комментария. В литературоведении принято четко разграничивать элитарную и массовую литературу, однако творчество большинства современных произведений сложно оценить однозначно. Современные писатели редко остаются в рамках одного жанра, сочетая черты «легкого чтения» с психологизмом и экзистенциальной проблематикой. В ряду таких писателей как русские, так и зарубежные авторы.

Один из них – британский писатель Ник Хорнби. Комментируя свой стиль, сам Н. Хорнби говорит: «Чем серьезнее то, о чем я пишу, тем смешнее должно быть читателю». Среди всех романов Н. Хорнби, один из самых популярных «About a Boy» (О мальчике). Составляя комментарий к этой книге, мы руководствовались несколькими аспектами. Текст романа изобилует упоминаниями реалий жизни Великобритании и США, которые могут быть не всегда понятны русскоязычному читателю. В связи с этим в комментарии сделан акцент на объяснение названий и имен, имеющих значение в культуре, составляющих страноведческий материал, необходимый для понимания читателем обстоятельств времени и места действия, изображенных в произведении.

Роман построен так, что герои сами высказывают свои точки зрения. Каждая глава, по сути, представляет собой диалог двух героев, поэтому основной объем лексики относится к разговорному стилю и сленгу. Читатель, ставя перед собой задачу совершенствования владения английским языком, должен совершенно

противном случае, читатель, не знакомый с социокультурными кодами сообщества, на языке которого происходит общение, рискует в дальнейшем потерпеть коммуникативную неудачу. Стилистический комментарий в данном случае дает необходимую информацию.

Еще одной проблемой восприятия произведения на иностранном языке является недостаточное знание читателя о стереотипном поведении, в том числе, речевом поведении, принятом в обществе, на языке которого написано произведение. Читателю сложно уловить коннотацию многих высказываний и, соответственно, уловить авторскую оценку. Так же в контексте произведения, слова могут менять значение, не соответствуя традиционному определению. Эти и другие особенности составляют индивидуальный язык автора, который требует особо внимательного рассмотрения в комментарии.

При условии, что комментарий учитывает перечисленные критерии, он становится полем для многочисленных научных выводов, лингвистических и экстралингвистических. Остановливаясь на особенностях употребления комментируемых слов и выражений, комментарий оправдывает прагматические цели читателя, позволяя затем грамотно использовать лексику произведения в собственной речи, становится таким образом полноценным учебным материалом.

Литература

1. Краткая литературная энциклопедия / А.А. Сурков. – М.: Сов. Энциклопедия, 1964. – т.7, С. 691

Валовикова Е.,

УрГУ.

ooo_terminal@usi.ru

Научный руководитель –

доктор филологических наук,

профессор

Н.А. Купина

Речевая агрессия в текстах печатных СМИ

При определении речевой агрессии мы опираемся на труды Т.А. Воронцовой [2], Л.В. Ениной [3], Н.А. Купиной [3], Л.М. Майдановой [4] и др. В качестве рабочего мы используем следующее определение: речевая агрессия – это форма речевого поведения, мотивированного агрессивным состоянием говорящего, преследующего цель вызвать или поддержать агрессивное состояние адресата. Данная форма речевого поведения характеризуется намеренным использованием языковых средств для выражения неприязни, враждебности, оскорбления и т.п.

Для классификации речевой агрессии мы используем схему, предложенную Н.А. Купиной и Л.В. Ениной [3], выделивших три основные ступени речевой

агрессии: 1) констатация факта социального неблагополучия; 2) предупреждение, угроза в адрес виновника; 3) прямой выпад, призыв к ликвидации, разрушению, уничтожению.

Нами был проведен качественный мониторинг заголовков газеты «МК» по методике кафедры риторики и стилистики УрГУ. В ходе мониторинга были выделены заголовки, содержащие агрессивный потенциал. Мы пришли к выводу об активности первой ступени речевой агрессии.

Анализ заголовков «МК» позволил выявить конкретные фрустрирующие ситуации, способствующие формированию агрессивного состояния воспринимающего (читателя).

Наиболее ярко представлено вербальное обозначение фрустрирующей ситуации лишения жизни живого существа. Ключевыми являются глаголы: *убить* (общее обозначение насильственного действия), *задушить*, *расстрелять*, *вырезать*, *взорвать*, *зарезать*, *повесить* (обозначение способа умерщвления). Например, заголовки: *«Ссору родителей дочь прекратила, убив отца»*, *«Студентку университета физкультуры расстреляли в парке»*. В текстах разворачивается модель, запрограммированная в глагольной семантике: («кто – кого»). Следует отметить, что в большинстве заголовков субъектом и объектом агрессивных действий являются члены семьи, близкие люди, которые, в соответствии с культурными конвенциями семьи, должны заботиться друг о друге. В основе фрустрации – нарушение норм внутрисемейного поведения, факты разрушения, деградации семьи.

Наивысшая степень психологического напряжения достигается тогда, когда один из участников физического уничтожения – ребенок, подросток, молодой человек (*«Младенца убили в коляске»*, *«Юная садистка оставила соперницу без лица»*) или когда обозначается способ убийства (*«Школьника задушили фашистским шарфом»*). Способствует нарастанию напряжения и указание на мало-значимые причины физической расправы: *«Ревнивец убил себя и жену, боясь измены»*, *«Сын расстрелял родителей за долги»*.

Следующей по частотности является фрустрирующая ситуация коррупции: *«Закончить вуз можно за три дня и сто долларов»* (коррупция в сфере образования), *«Берут не по паспорту, а по морде: в реестре милицейских взяток цены на грузин подскочили до небес»* (коррупция в сфере МВД) и т.д.

Заголовок может быть направлен на создание фрустрирующей ситуации нарушения техники безопасности: *«Девочку убило воротами на маминой работе»* и т.д.

Отметим также номинирование и изображение фрустрирующих ситуаций алкоголизма, наркомании, превышения служебных полномочий и беззакония в стране.

Выделенные по данным газетных заголовков «МК» группы фрустрирующих ситуаций позволяют представить очаги напряжения в социокультурном пространстве современной России. Агрессивное состояние у читателей в основном вызывает использование так называемой «тревожной лексики», реализующей семы неприятия, угрозы, нападки и др. [1], в сочетании с указанием на субъект и объект агрессии.

Следует отметить, что в заголовках «МК» встречаются и завуалированные выпады, которые мы относим ко второй ступени речевой агрессии, так как

субъект агрессивного действия (а, следовательно, порицания) не лицо, а собирательное название организации, органа власти или группы лиц: «*Медики торговали младенцами*», «*Моего ребенка убила армия*». Можно сделать вывод, что газета «МК» придерживается политики ухода от прямой агрессии.

Если говорить об Internet-изданиях, наиболее ярко представлена третья ступень речевой агрессии. Для анализа нами использовались заголовки газеты «Лимонка» в электронном виде, которая является нелегализованным изданием НБП, следовательно, отражает идеологию этой партии). Мы отметили, что единицей агрессивного выпада в текстах заголовков данной газеты является идеологема (закрепленное в языковой форме идеологическое содержание). При классификации идеологем мы опирались на данные Н.Н. Ромашова [5]. В заголовках отражается идеологема уничтожения, истребления: «*Интеллигентов нужно убивать*» (множественное число существительного указывает на необходимость массового уничтожения определенного социального слоя), «*Хочешь быть счастливым? Убей чиновника через подушку!*», «*Кто убьет Путина?*». Следующая по частотности – идеологема войны, борьбы: «*В борьбе обрешь счастье свое!*», «*К оружию братья!*». Следует отметить, что деятельность национал-большевиков представлена как длящаяся в настоящем война с политическим противником. Этот подход способствует формированию персонализированного образа врага и, следовательно, выбору конкретного объекта агрессии. В заголовках звучит откровенный призыв к насилию: «*Убей!*».

Таким образом, можно сказать, что в текстах печатных СМИ отражаются все ступени речевой агрессии: от констатации факта социального неблагополучия (в официальных изданиях), до призыва к уничтожению конкретного объекта речевой агрессии (в оппозиционных газетах).

Литература

1. Вепрева И.Т., Мустайоки А. Детабуизация в СРЯ и тревожная лексика // Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности. Екатеринбург, 2006. С. 141
2. Воронцова Т.А. Речевая агрессия: вторжение в коммуникативное пространство. Ижевск, 2006. 252 с.
3. Купина Н.А., Енина Л.В. Три ступени речевой агрессии // Речевая агрессия и гуманизация общения в СМИ. Екатеринбург, 1997. С. 26-27
4. Майданова Л.М. Агрессивность и речевая агрессия // Речевая агрессия и гуманизация общения в СМИ. Екатеринбург, 1997. С. 8-13
5. Ромашов Н.Н. Система идеологем современного русского тоталитарного языка по данным газетных демагогических текстов первых послереволюционных лет. Автореф. Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1995. С. 8

Лещёва А.,
УрГУ.
cafruss@yandex.ru
Научный руководитель –
доктор филологических наук,
профессор
Ю.В. Казарин

Языковые средства выражения неопределенности в поэзии И. Бродского

Одной из самых ярких отличительных черт современной поэзии является принцип неопределенности, т.е. увеличение (по сравнению с классической поэзией XIX века) проявлений разных форм семантического и синтаксического эллипсиса: семантическая неоднозначность тропа; неназывание предмета, места, времени, действия; замена имени местоимением; неопределенность отнесения признака, чувственного восприятия, точки зрения, предмета речи и др. [1]. Но, пожалуй, ни у одного автора этот принцип не реализован в такой степени, как в стихах И. Бродского. Поэт, творческая установка которого зиждется на принципе «эстетика – мать этики», стремится преодолеть всяческий романтизм, всякую сентиментальность, избежать «мелодрамы» и «моветона», «слиться лицом с обоями», нейтрализовать всякий лирический элемент, приблизить его к звуку, «производимому маятником», дабы не впасть в патетику и не стать дидактом – поэт приемлет лишь диктат языка.

Неопределенность как принцип – средство, рассчитанное на адресата речи, оно имеет своей целью затруднить восприятие кода, составить сообщение таким образом, чтобы оно было оторвано от действительности, от прямой номинации, но указывало на вещи опосредованно. Таким средством для И.Бродского была, в частности, **интонация** «невыделения» значимых элементов в синтагме, с которой он читал свои стихотворения: «Тон делался все выше, а ритм начал жить настолько самостоятельной жизнью, что становилось трудно следить за словами. Они казались теперь не более, чем точками опоры для пения, которое в конце концов заполнило всю комнату «...» Я никакими силами не смог бы сказать, о чем шла речь в стихотворении» [2]. Следует отметить, что помимо авторской манеры исполнения эффект смыслового «сглаживания» поддерживается формально **монотонией** стихотворного языка, достигаемой скоплением одинаковых ритмических форм – по данным А.Л. Беглова, 5/6 стихотворений И. Бродского, написанных четырехстопным ямбом – это те, в которых ведущая ритмическая вариация превосходит 50%. Таким образом, «ритмическая инерция четырехстопника у Бродского сильнее, чем у кого бы то ни было из русских поэтов, если не считать раннего Ломоносова, который последовательно стремился к бесперебойной полнударности» [3].

Ярким примером возникновения неопределенности на лексическом уровне является включение поэтом в ткань стихотворного текста **лексемы «вещь»**, а также восстановление этимологических значений данного имени и широкое использова-

ние его грамматического потенциала. Действительно, что может быть конкретней вещи и в то же время неопределенней? Ведь лексема «вещь» способна выражать предметные, признаковые и (с некоторыми оговорками) процессуальные смыслы в зависимости от контекста. Само по себе это слово не имеет никакого значения кроме предельно общего значения вместилища или, лучше сказать, незаполненной валентности, конкретизирующейся при помощи контекстных партнеров. В стихах И. Бродского лексема «вещь» приобретает следующие значения: материальный предмет, человек, эйдос, явление действительности, вещество, язык, одежда, части тела и физиологические выделения, время, пространство, смерть, сенсорное восприятие, предметы личного пользования, жизнь, архитектура [4]. Таким образом, неопределенность грамматическая, обусловленная самой природой имени, дополняется лексической неопределенностью, усиленной в поэтическом тексте возможностью одновременной реализации нескольких значений, «семантическим парадоксом», по выражению Е.Г. Усовик.

Среди синтаксических средств неопределенности наиболее показательными для поэтики И. Бродского, на наш взгляд, являются **предложения сигнификативного тождества** и **полипропозитивные структуры**, использование которых придает текстам некоторую идиоматичность и завершенность, приращение смыслов, осознаваемых только в пределах предложения или структуры. Лексические значения отдельных слов в таких случаях не равны их суммарному смыслу и могут служить примерами расширения значения, которое М.Л. Гаспаров называл «седьмым тропом» [1], а, следовательно, и примером семантической неопределенности. Это тем более справедливо для предложений тождества, так как это тождество часто является логически неверным в силу своего образного характера (архитектура – мать развалин; воздух – вещь языка; сухая, сгущенная форма света – снег).

Мы обозначили лишь некоторые способы проявления неопределенности в поэтических текстах И. Бродского, но уже они дают представление о значимости данного явления в творчестве автора.

Литература

1. Ковтунова И.И. Принцип неполной определенности и формы его грамматического выражения в поэтическом языке XX века // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Грамматические категории. Синтаксис текста. М., 1993. С.106-112, 109
2. Верхейл К. Танец вокруг мира. Встречи с Иосифом Бродским. СПб., 2002. С.18
3. Беглов А.Л. Иосиф Бродский: монотония поэтической речи (на материале 4-стопного ямба) // Philologica №3, 1996.
4. Лещёва А.Н. Словарь-тезаурус и семантическое поле «вещь» (на материале поэтических текстов Иосифа Бродского) // Слово-Текст-Смысл. Екатеринбург. 2005
5. Усовик Е.Г. Семантический парадокс как основа метафизики языка И. Бродского // Поэтика Иосифа Бродского. Тверь. 2003

Содержание

Еще раз – «Время, вперед!»	3
Бронникова Е.	
Конструктивный аспект мотива памяти в романе В. Набокова «Машенька»	4
Яковлева Е.	
Приметы в студенческой среде: проблемы поэтики и бытования	5
Сверчкова А.	
Интертекстуальность в повести Дж.Фаулза «Башня из черного дерева»	6
Резвушкин К.	
К вопросу об эволюции языкового сопротивления (с позиций теории функциональной грамматики)	8
Крымская Н.	
Эвфемизмы в русском и английском языках на примере российских и американских Интернет-изданий	10
Петрова Д.	
Микрополя мышления и мнения в ментальной сфере языка	13
Салихова Д.	
О развитии российской печатной рекламы: начало 1990-х и 2005 гг. (на материале рекламных текстов из журнала «Крестьянка»)	15
Сухова Н.Я.	
Сравнение этимологии единиц времени в русском и татарском языках	17
Кравчук В.	
Вл. Набоков- переводчик Льюиса Кэрролла	18
Канбекова Д.	
Мотив разрушения дома в творчестве М.Ю. Лермонтова	20
Хамидова А.	
Воздействующая функция лингвистических образов (на материале бестселлеров Н. Правдиной «Я исполняю желания» и М. Норбекова «Опыт дурака, или Ключ к прозрению») ...	21
Добрынина Ксения	
Журнальные заголовки в аспекте концепции коммуникативных сбоев	24
Симушова О.	
Структура женских антропонимов в кунгурских актах второй половины XVII – начала XVIII вв.	26
Вдовина К.	
Устаревшее слово в социолингвистическом эксперименте	29
Смирнова И.	
Сложноподчинённое предложение в эпистемическом аспекте	31
Абрамова В.	
«Мир культуры» в творчестве Л. Улицкой (книга «Люди нашего царя»)	34
Гурова Е.	
Образ юродивого в романе Ф. М. Достоевского «Бесы»: парадоксы «нулевого» пространства	36
Раскина Д.	
Люди и ангелы в повести Антонии Сьюзан Байетт «Ангел супружества»	39
Упоров А.	
Автор и герой в романе К.Н. Леонтьева «Египетский голубь»	41
Четвертных Е.	
Тема Элизiums поэтов в русской лирике	44
Леонова М.	
Роман Н. Хорнби «About a Boy». Попытка научного комментария	46
Валовикова Е. С.	
Речевая агрессия в текстах печатных СМИ	47
Лещёва А.	
Языковые средства выражения неопределенности в поэзии И. Бродского	50

ISBN 978-5-870-39-186-1

Издательство «Рекпол»

Формат 60 х 90/8. Объем 3,2 уч.-изд. л.

Тираж 50 экз. Заказ № 600.

Бумага офсетная.

Отпечатано на ризографе в типографии ЧГПУ.

454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 69.